

Георги ПАНКРАТОВ

ВЬЮН НАД ВОДОЙ

Повесть

I

Первым делом Иванищев крякнул. Открыв слипшиеся в сонной мечтательности глаза, прищурился. Водка медленно растекалась внутри, становилось приятно тепло; ухмыльнувшись, он осмотрелся — семь на часах, скинул кота со стола да побрел, пошатываясь, к двери. Но внезапная мысль развернула его и направила снова к кровати: выпитая водка была последней.

— Эх, ну-ка, ну-ка, что у нас там, — кряхтя, потряс над кроватью штаны; обнаружилась мелочь, рубли да копейки, жетон метро — сувенир из большого города, совсем бесполезный здесь, в глуши.

— Хитрая штука жизнь, — нашептывал Иванищев, и вдруг резко, во весь голос: — Мань! А ну-ка вставай!

От Мани ужасно разило, еще ужаснее она себя чувствовала.

— Сколько? — открыв глаза, спросила Маня.

— Да рублей сорок, Мань, — обиженно прогнусавил он.

— Время, — раздражаясь, мычала сожительница. Женой никогда не была ему, да и не собиралась, к чему? — Ты на часы смотрел?

— Корова, — не удержался он, — из города Сарова.

— Ну и что же, что я из Сарова? — Маня пробуждалась. — Я и не жила там никогда, родилась только. А в паспорт записали. Сто раз говорила!

— А то, что корова! Мань, ну дай рубликов тридцать, а?

— У тебя сколько?

— Вот, рублей десять, железом. Не больше, Мань.

Она все смеялась, пытаясь приподняться:

— Вон, иди к Притиркиным работай, у меня то че. Семь утра уже, пора. А я не дам. Кукиш с маслом, во, видел?

— Корова, ну. Я ж говорю, корова. Из го... Да из коровника, на... Из свинарника. Свинья.

Он вышел во двор. Дул ветер, было холодно. Вернулся в дом, нацепил бушлат.

— Только пить и умеешь, — ругнулась вдогонку Маня.

— А что еще делать? — крикнул в ответ. — Что еще здесь делать?

Хлопнул, убежденный, дверью.

— Опять ты, — ища сигарету в кармане, вновь обнаружил жетон. «Тьфу ты», — сплюнул. «Ну ты», — прикурил.

Тощая, унылая корова проводила его мутным взглядом и отвернулась. Она была не из Сарова, невеселую жизнь свою проводила привязанной к скучному столбу. Начиная следующий, след в след за вчерашним, день. Иванищев затянулся крепко-крепко и зашагал.

Жетон метро он таскал на счастье. В стародавние, бывшие ли вообще времена его подарил сослуживец, заехавший погостить. Заехавший и уехавший, да так и не приезжавший больше. «Ме-тро-по-ли-тен», — читал тогда Иванищев, завороченный магией букв.

Местность, где он жил, была дугою улицы, неким полукругом, полумесяцем, если хотите, из домов, к которой подходила еще одна, совсем маленькая улочка. Ни у одной из не было названия, их называть-то некому и незачем, и номеров не было. И все же иногда улицу, примкнувшую к дуге, именовали Новой. Хотя она, конечно, как и все

здесь, Новой не была.

Но ведь не в этом дело.

У Трубницкого не было нижней губы. Вот так, не было, отнял рак. Поэтому он был и молчалив, а может — не поэтому, может, так совпало. Но факт — у Трубницкого не было губы. Зато был магазин в соседнем доме, рядом. Трубницкий обитал ближе всех к магазину, на пересечении Новой и дуги.

Войдя, он отмахнулся от мычания здоровой, неуклюжей толстой бабы.

— Дурочка ты, на, — вздохнул тяжело и махнул рукой. Но не сказал — он мало что говорил. Баба мычала, хрипела, чем резала слух Трубницкому, который шел к кассе самой короткой дорогой. Юродивая мыла здесь с утра, ей больно было видеть, одинокой, как исчезает ее труд. Ее жалели здесь, и наливали, и кормили. Бойкая продавщица, бывало, и подбрасывала мелочь. Ведь живет человек вроде где-то в иных мирах, неведомых, страшных, диких, и говорить-то не умеет по-людски, а в то же время в каких-то трех-четырёх домах от тебя, бойкой, работающей. Здесь жизнь просто так не бросали, здесь не было жизни чужой; любая — своя собственная.

Трубницкий не просил налить, лишь тянул палец в сторону бутылок.

— Ну эта, дай!

Продавщица упиралась:

— Притиркин знает все, по сколько в день вы водки жрете. И когда.

Взгляд Трубницкого не менялся. Зато к нему добавился новый — лукавый, уже слегка пьяный, он остановился на продавщице. Это подошел Иванищев, похлопал соседа по плечу.

— Тань, ну дай, на самом деле.

Трубницкий закивал в подтверждение. Новый аргумент казался весомее, с Иванищевым все решалось проще.

— Нет, ну вы охренели. Идите поработайте хоть немного.

Но они уже знали, что даст.

— Идем. Сейчас же идем, — опустив в карман бушлата заветное, Иванищев уже от двери бросил: — Тань, я занесу вечером.

— Знаю я ваше занесу, идите уже!

И, покачав головой, вдогонку:

— Только уж занеси, не забудь, а?

Кивая, Трубницкий прошел по вымытому полу.

— Да молчи ты уже! Будет тебе, будет!

Майский под утро подрался. С пришлыми спорили, чья деревня серьезнее, да так и не выяснили. Спорили долго, и Майский не выдержал первым.

— Я их, сволочей, обоих уложил. Будут мне залупаться тут. На болте я вертел их всех, соседи, на, совсем отморозки. Не, ну я начал, я. Так и не говорю ниче. Встретились? Навстречу вон шли, я домой шел, дивиди посмотрю, думаю. Опа на, идут, вижу. Выпили, да, ну у них было.

Майский был мужиком здоровым, да и подраться любил. Бывало, и со своими. А чужие сюда приходили редко.

— Да они к Сергеичу приходили, он их выгнал на хрен да еще дверь по носу двинул, идите, мол, говорит, на, гости дорогие. Денег он им, что ли, должен. Он тот еще зверь, хоть и под семьдесят. Вот они к себе ночью и поперлись. Животные, на.

Иванищев усмехнулся. Он согревался добрыми глотками водки, Трубницкий рядом с ним — сладким ожиданием.

— Дай, — отрезал Майский, и бутылка переключалась к нему, — Не хрен пить с утра, — и, отхлебнув, протянул Трубницкому. — Недолго жить тебе осталось, Трубницкий, недолго. Понесем тебя скоро во-о-он туда, за Новую. Да ты пей, слушай меня меньше.

Дочь Майского училась в школе, их было двое там — она и маленькая, тихая Лида. Второй класс был без буквы, просто второй класс. Как и третий. А первого в этом году не было.

Майский заржал и пошел провожать дочь. Петухи орали на куриц, и те, собираясь за ним, ускоряли шаг, кряхтели, пропускали человека с ребенком. А завидев машину, мчались друг за дружкой через дорогу, не слыша орущего петуха, под скупающим взглядом старого, когда-то сторожевого пса.

Успели они проскочить и на сей раз, перед огромным КамАЗом, в котором, то и дело подпрыгивая и устало матерясь, уже четвертый час ехали молодой рабочий из города Георгий Шульц и его бригадир Лысый. Не считая водителя.

— Вот курицы, — зло усмехнулся бригадир, отхлебывая водку. — Не зря ведь наш

народ баб курицами зовет. Есть общее ведь. Он, народ-то наш, умный!

— Вон он стоит, народ, готовый, — Георгий присмотрелся к мужикам, стоявшим возле красивого гаража. У Георгия были проблемы со зрением, он носил очки.

Приехал он сюда впервые, за различные неквалифицированные работы обещали неплохо заплатить. Какие работы, Георгий представлял смутно, а вот напарник его, наркоман Серега, проживал в этой глуши вторую неделю. Георгий был призван в помощь ему и деревенским мужикам. Добирались долго — на восток Нижегородской губернии, ближе к Чувашии. Проезжали Сергач, Пильну. Георгий заметил показавшееся ему странным и страшным название — Юморга. В этом слове чувствовалась сила — таинственная, мистическая и злая; в нем причудливо переплетались юмор и морг, и все сопутствующие этим словам настроения.

Потом проехали еще, потом дорога кончилась и еще полчаса оставшегося пути водитель матерился не затыкаясь, то и дело подпрыгивая на кочках.

— Ну, заходите, заходите, гости дорогие, что же вы стоите-то? — услышал Георгий, едва вылез из кабины КамАЗа, пошатываясь и жадно вдыхая воздух. Встречать их вышла пожилая женщина, улыбаясь. Рядом переминались мужики. Трубницкий с Иванищевым с интересом разглядывали молодого рабочего. На его футболке были изображены осенние листья, на голове — кепка с яркой надписью Who Is Who.

— Есть курить? — хлюпая носом, спросил Иванищев.

— Идите работайте, — взгляды мужиков разом обратились в сторону мужчины лет пятидесяти, выходящего из гаража. Строгий голос принадлежал ему.

— Чего стоим? Не знаете, что делать? Все, восемь часов уже, пора за работу! — крикнул мужчина. — Трубницкий, чего глазами хлопаешь? Вон бери тачку и дуй за песком! Быстренько.

Павла Леонидовича Притиркина Георгий знал. Он работал на него в городе. С виду интеллигентный, бодрый, активный предприниматель. Деятельный, успешный человек. В прошлом военный врач, Павел Леонидович держал в Нижнем Новгороде современную частную больницу. Доход его измерялся числами, которые лежали за пределами сознания молодого рабочего. Теперь хозяин стоял напротив и, казалось, выжидающе поглядывал на прибывших.

— Мама, работать им надо, видишь, машина груженная пришла, — обернулся он к пожилой женщине. — Иди в дом. Ну как дела, Артурка?

Артурка — он же Лысый, бригадир молодого рабочего и наркомана Сереги. Пожав руку и что-то ответив хозяину, он направился к дому вслед за женщиной. Притиркин бросил взгляд на Георгия, грубо обронил: «Работайте», — и вернулся в гараж.

В тридцати километрах от Нижнего, в коттеджном поселке Георгий с рабочими целые две недели сносил старый дачный дом. Все ценности — старые книги, тряпье, разломанные диваны, столы и стулья, электроприборы, пыльные картины, разобранные шкафы, зеркала и прочее — строго-настрого наказывалось перевозить в деревню. Ежедневно приезжали газели и КамАЗы, куда сгружались ведь до единой доски бревна и уцелевшие кирпичи. Трудились даже охранники из больницы. За три дня работы ломом и кувалдой они снесли остатки дома, загрузили в КамАЗ барахло, и Георгий, напоследок высосав полторашку пива, залез в кабину, чтобы впервые в жизни отправиться в настоящую деревню. Лысый, едва они тронулись, открыл припасенный пузырь.

— Так че, есть у тебя курить? — дыхнул перегаром Иванищев. — Тебя как звать-то?

— Шульц, Георгий Шульц.

— Смотри-ка, Шульц! Это как Жора, значит?

— Значит.

Юра, пятидесятилетний мужик с потухшими глазами, слыл странным человеком. В истрепанном пальто и с неизменной бутылкой за пазухой, он слонялся по деревне целыми днями, нигде не задерживаясь. Любил напиваться в одиночестве, которое было его нормальным и даже необходимым состоянием. Вне одиночества пятидесятилетний Юра испытывал дискомфорт. Однако дискомфорт еще больший, граничащий с непереносимым, Юра испытывал, оказываясь трезвым. В такой ситуации ему приходилось идти к мужикам. Или к магазину, дожидаясь, пока кто-нибудь заглянет. Грудастая продавщица презирала его и даже не разговаривала, о выпивке в долг здесь не могло быть и речи. Еще можно было пойти ко двору Притиркиных, где работало или создавало видимость все мужское население деревни. Выпивая с мужиками, Юра молчал и налегал на алкоголь сильнее остальных. Где бы он ни находился, его взгляд всегда был обращен в одну точку, при ходьбе его тянуло к земле, а голова была всегда опущена; однако это давно никого не пугало и даже не удивляло. Юра был фоном местных событий, постоянным и незаменимым. Над ним посмеивались, и порой посмеивались жестко, на такие эпизоды не реагировал ни улыбкой, ни злобой, ни даже просто взглядом — ничем.

Но никто не отказывал Юре в выпивке, его никогда не гнали, впрочем, и не звали тоже. Он всегда появлялся сам.

Одноклассник Притиркина, как и большинство мужиков, которые околачивались при дворе поднявшегося земляка, — а те, кто был старше или младше, все равно учились в одной школе с хозяином, — Юра еще с детства был нелюдимым, что не так уж часто встречается в деревне. Наркоману Сергею мужики рассказывали, что Юру били, над ним издевались. Но все это лишь поначалу. Он не был занудой и психом, учился средне, выделялся только молчаливостью. Бывали у него и подруги, но все быстро сходило на нет — Юре становилось скучно.

Так его стали принимать как данность. Разве что Притиркин временами замечал его и, проходя мимо, спрашивал:

— Ну что ты, Юра, делать-то будешь? А?

— А ты? — отвечал Юра.

— Я в город поеду. А что, разве здесь жизнь? Эх, Юра, Юра.

— А там разве жизнь? — бубнил свое Юра, когда Притиркин отходил. — Да и где вообще жизнь?

С этой мыслью он выпустился из школы. Продолжать обучение не хотел, да и где его было продолжать? Все знания о жизни заканчивались границами деревни, к своему совершеннолетию Юра твердо уверовал: за ее пределами жизни нет. Да и в деревне нет жизни, жизни вообще нет в принципе. Ощущение безжизненности всего существующего крепко укоренилось в Юре, да так и осталось на всю жизнь.

Пить Юра начал поздно, тем более для деревни, года в двадцать три. Но пристрастился к спиртному сразу, пил пиво, пил водку, пил разведенный спирт, пил в одиночестве и все бродил по деревне. Бывало, доходил до конечки — в иные времена сюда заглядывал автобус — и провожал уезжавших в соседнюю деревню, покрупнее, а оттуда и в город. Юра никогда не садился в автобус, никогда никуда не ездил. Одно время его называли философом — когда мужики на конечке приставали с расспросами, он обыкновенно отвечал: «Все фуфло», «Все пустота», или же так: «А че делать?» Но излюбленным его ответом был: «А где есть жизнь?» Все интуитивно понимали, что философ — не совсем то, что являет собой Юра, но настоящих философов никто не видел. Все знали, что Юра безобиден, что он, как растение, завянет и умрет, что ему просто не повезло родиться.

— Бог душу забыл вдунуть в человека, — говорил про него пьяный Майский, и все соглашались, кивали.

Когда Юра был трезв и наверняка знал, что выпить нет вариантов, то никогда не выходил из дома. Никто не знал, чем он там занимается, да и никому не было интересно. А он знал. Он сидел на стуле и смотрел в пол. Когда приходило время спать, поднимался, доходил до кровати и ложился. Он жил один уже двадцать лет. С тех пор, как уехала мать. Ему тогда так сказали.

Утром Юра выпил. У него оставался стакан с вечера, почему-то он рано уснул. Теперь он сидел во дворе на досках и молча курил, смотрел в небо.

— Что-то там есть, — повторял себе, как заклинание, — там точно что-то есть.

Так и сидел он, пятидесятилетний мужик Юра, шептал своей пустоте.

Молча разгрузив с Трубницким КамАЗ, вывалив все барахло, молодой рабочий Георгий наконец смог осмотреться. Территория Притиркиных была на первый взгляд огромна. Казалось, все остальные дома и дворы Новой улицы вполне могли здесь уместиться, да еще и осталось бы место. Картофельное поле, яблочный сад, декоративные деревья и кусты — все это радовало глаз, когда бы он приехал с другими целями. Сейчас же главным объектом внимания стал притиркинский гараж. По словам Лысого, хозяин позволял ему с напарником в нем ночевать. Гараж был больше любого из соседних домов, откуда уже подтягивались, продирая глаза, остальные деревенские мужички. Рядом с гаражом стоял такой же с виду дом.

— Здесь у него бильярдная, — сообщил Лысый, когда вернулся из дома уже угостившимся и веселым: его единственного из всей бригады хозяин пускал к себе. — Вот, может, ночью выпьет, пригласит. Ты как в бильярд-то?

— А там какой?

— Леонидыч русский любит. Только русский! Мы в прошлый раз играли, он там праздновал очередной успех. Вручили там что-то ему, губернатор. Всю ночь бились.

— Ночь? А на работу как?

— Как-как, об косяк! С утра пошли доски пилить. Леонидыч не даст расслабиться. Любит, когда люди работают.

— Так, это, я не пойду, Артур Алексеич. А спать?

— Если предложит — то отказаться нельзя.

- Не, ну спасибо, конечно...
- Я ж говорю: отказаться нельзя, Жора. Он не спрашивает. Он же один здесь будет, ну и вы, рабочие. С кем играть? Вот если только не захочет — тогда, считай, повезло.
- Здоров, баба Нюра! — обернувшись, Георгий увидел еще одного мужика, с виду крепкого. Но мужик тотчас выдал: — Баб Нюр, тридцаточку бы!
- Старушка испытующе смотрела на гостя, затем развернулась и засобиравалась в дом. Но на полпути остановилась:
- Вот что, Витька Михалыч! Ты с каких пор это, а? Ты бы за голову взялся! Скоро как эти станешь!
- Баб Нюр, — вяло отозвался мужичонка.
- Ты вот что, это, Витька Михалыч, — назидательно сказала старушка. — Ты иди к Пашеньке моему, да спроси его, какая сегодня работа. А уж после денежкой интересуйся.
- Да баб Нюра, не могу я сегодня. Слышь че, баба Нюра. Тебе ж брусчатка скоро придет, кажись, а, баб Нюра?
- То, что придет брусчатка, я знаю, — развела руками старушка. — То Пашенька мой заказал.
- Так ведь разгружать приду, баб Нюра.
- Приходи, приходи. Вот ведь придешь, тогда и получишь, так ведь?
- А ты, Витя, знаю, зачем пришел, — за спиной хозяйки появился Притиркин, с сигарой и в домашнем халате. Он говорил размеренным, не терпящим возражений тоном. — Жена твоя говорила матери. Что, совсем плохо так, Витя?
- Да денег совсем не осталось, Пал Леонидыч. Я же отработаю, мне щас надо. Пожрать чего-то. Да и разболелась она, сами знаете. Лекарств бы каких купить.
- А ты, Витька, чего не заходил-то? Давно уже не приходишь к нам, работа всегда есть, сам знаешь. Чего обижаешь-то так?
- Витька Михалыч едва собрался ответить, но вклинилась старушка:
- Так оно ведь потому, что оболтусы они все, Пашенька. Обормоты да алкаши воюющие! Квас им все подавай, сутками пьете! И ни черта больше не делаете. Приходят они сюда, работнички сучие. Груши околачивать приходят, Пашенька.
- Ну зачем же так, баб Нюра? — Витька Михалыч будто обмяк весь.
- Сколько ей лет? — удивленный Георгий подошел к Лысому.
- К восьмидесяти подходит. Та еще бабка!
- Вот что, — крикнул Притиркин от двери, — ты, Витя, возьми веник, пойдешь брусчатку подмети. Не будет же мама сама, правда, Витя?
- Так я, это, без вопросов, Павел Леонидыч.
- Ну вот и умница. Ты же не можешь ни за что брать деньги, без работы, правда? — он прищурился.
- Так... как, — замялся мужик.
- Я бы дал, но знаю, тебе совесть не позволит. Так что подмети давай. А мама даст тебе полтинничек, зайдешь. Так, а вы что у меня? — он вопросительно взглянул, и Лысый с Георгием тотчас потушили сигареты.

Семен Жопа наступивший день встретил в траве, недалеко от магазина. Он был самым старшим из мужиков, которые еще могли передвигаться самостоятельно, а стало быть, работать на Притиркина. Там, где обрывалась Новая, спустя метров сто по узкой дорожке, начиналось кладбище — голодная смерть привела бы туда всякого, кто потеряет силы приходиться во двор Притиркиных, в считанные дни. Семену было пятьдесят пять, ему все тяжелее давалось каждое новое утро. Пожил и в Москве, и в Ленинграде, бывал в Венгрии и Болгарии, чем всегда козырял по пьяни, а с распадом Союза вернулся в деревню на свои две улицы, да так ее больше и не покидал. О том, что творилось в большом мире сейчас, он и не догадывался, про менеджеров, про корпорации не слышал. Когда Притиркин, разбогатев в городе, вернулся отстраивать дворец старушке-матери, Семен принял это как данность, не завидовал хозяину жизни, которого, случилось, поколачивал малолетним пацаном, не жаловался на жизнь и с виду оставался крепок. Работал, питался, бухал. Но работать с каждым днем было труднее, бухать хотелось крепче, а есть было вовсе нечего.

Спасала жена, крепкая баба из местных. Свое утро она тоже начинала у Притиркиных: подстригала кусты, перебирала ягоды, возилась с одеждой, мыла полы. Хозяйка поощряла эту помощь сотенкой-двумя, и в дни, когда муж пропивал свои деньги, эти сотенки были спасением.

По вечерам Анна Притиркина грустила, и одинокие старушки из деревни заходили к ней спеть вечером песенку. Она выглядывала в окно и смотрела на дом напротив. Вот

там гасло окно, затем и в доме рядом, а вот проходил кто-то пьяный, падал, вставал, и воцарялась тишь. Только в притиркинском доме свет часто горел всю ночь, сонные певуны расходились по домам, и мама Павла Леонидовича Притиркина тихо плакала возле окна.

Но утром ее настроение неизменно непременно переменялось, она звала баяниста Копая и исполняла хулиганские плясовые. Баянист-то и обнаружил Семена Жопу поутру в траве. Ничем от других мужиков, кроме своего баяна, Иван Копая не отличался: принял ночью порядочно и до магазина добрал первым, еще впотьмах. О Семена попросту споткнулся. Трясущийся от холода и дикого похмелья, Семен всего-то и сумел, что присесть на пень и закурить.

— Последняя, — бросил он Ивану. Баяниста Семен недолюбливал, за то, что «дурью мается». Но он преувеличивал — баянист так же работал, как и остальные. Он сам проклинал свой баян, лишнюю, постылую работу. «Уж лучше б ямы рыл, как все тут», — мрачно думал баянист, догадываясь о зависти Жопы. Здесь ямы рыли все, и слесарь Трубницкий, и бывший инженер Сергеев, и даже старый геолог Карпин, живший на отшибе, и физкультурник Майский, и все, кто учился, и кто не учился. Какое это имело значение для Притиркиных? Никакого.

— Ну давай на двоих, — попросил баянист. — Холодно, Сень.

Семен рассказал, что провел ночь в гараже Притиркина, где полагалось спать наркоману Сереге из города. Но наркоману не спалось, каждая ночь для него была адом. Как этот человек держался и работал от зари до темной ночи, Семен вообще не понимал. В городе Серега вкалывал на Притиркина в больницу, вместе с Георгием чистил аквариумы, мел брусчатку, мыл фасад и окна, менял перегоревшие лампы, грузил тяжести, развозил, чинил. Зарплаты хватало на сигареты и героин. Других трат у Сереги не было, как и других интересов. Человеком он был мрачным, жизнь видел в черных тонах. В свои тридцать пять, из которых пятнадцать на чем-то торчал, он оказался в рабстве: от Притиркина уйти было некуда, потому что некуда уйти от героина. Но о зависимости говорил в прошедшем времени: «Я торчал, но держусь. Я практически бросил».

В деревне, за триста пятьдесят километров от Нижнего, героин раздобыть было негде. Серега вначале радовался, но когда осознавал, что едва вернется в город, первым же делом поставится, мрачнел: вроде как держится, но вынужденно, бесполезно. Спать ночью не мог: вздремнет на пару минут, встанет, покурит и дальше просто сидит, дремлет. Знает, что не выберется.

В совсем нестерпимые моменты Серега искал спасения в пойле. Убедившись, что Притиркин пошел спать, он вышел на поиск мужиков. Нашелся Семен, к тому моменту уже пьяный в свою клещку и трагично одинокий. У Семена был пузырь, который они быстро раздавили. Наркоманские проблемы городского волновали его мало, даже раздражали. Но все же от общения Сереге стало легче. Обсуждали единственное, что у них было общим, — Притиркина.

Серега рассказал Семену, что Притиркин одно время сильно увлекался алкоголем, только дорогим. Упивался в собственной больнице, на мансарде, и упивался там неделями подряд. Врачи делали операции, рабочие работали, санитарки мыли полы, а охранники охраняли. Ночь сменяла день, затем новая ночь и так дальше, а хозяин все пил у себя, просыпался и снова пил. И так допился, что жена закрыла его на ключ, приказав охране и рабочим:

— Пойдете за бухлом для него — уволью.

Едва она уехала, забрав ключ, продолжал Серега, как шеф уже орал по мобиле на охрану: это он их уволит, объяснял Притиркин, если немедля, в час ночи, ему не доставят водки. Серега улыбаясь вспоминал, как они с охранником Васей, добряком и качком, прикидывали, как поступить. В итоге залезли на крышу и спустили бутылку на удочке. Вася держал Серегу за ноги, чтобы тот не свалился с крыши, а Притиркин ловил бутылку. Потом операцию несколько раз повторили, и шеф на какое-то время затих.

Вспоминая веселое, Серега на время позабыл о героине. Водку он пил и совсем не пьянел, а вот Семен напился. Поплутав по траве, он удивленно заметил прямо перед лицом траву. Хотел отстраниться, но больно ударился. И окончательно ушел в небытие.

Кто и когда прозвал Семена Жопой, в деревне никто не помнил. А сам он не допился до того, чтобы рассказать. Баянист затянулся. Совсем скоро он выпьет — конечно, с Семеном на пару. И кто-нибудь из них коротко скажет:

— Ну, пошли.

Притиркин засобирался в город ранним утром.

— Артур Алексеич, а ты завтра дуешь в больницу, работа тебе найдется. Сегодня

смотри за этими, — наставлял он Лысого, — заливайте бетон, с мужиками расплатишься. Записывай время, кто и во сколько пришел. Если уйдут в магазин или есть — ты все это учитывай. Маме я буду звонить, и тебе, Артур Алексеич. Трубку свою заряжай. Да, перерыв у них в час, помнишь. Сам не ленись, работай. Так, а это к нам кто пожаловал?

Завидев издали Юру, Павел Леонидович приветливо заулыбался и двинулся навстречу, раскинув руки, будто собирается обнять дорогого гостя. Однако подойдя вплотную, резко сунул руку в его карман и вытащил початую бутылку. Улыбка с лица исчезла. Да и Юра принял трагический вид.

— Тыфу ты, что же за дебил! — плюнул с досады Иванищев.

— И так с ним каждый день, — сказал Серега Шульцу, наблюдавшему эту картину.

— Чего же не спрятал получше, — Георгий не сразу нашел, что сказать.

— Так он же в натуре дебил, — в сердцах крикнул Иванищев. — На наши деньги!

— Че ты его-то слал? — разозлился Трубницкий.

— Так мы же все здесь, кто пойдет-то? Все работаем, он один околачивается!

— Ну что, — продолжил Притиркин, — о вашем же благе пекусь, вас же хлебом кормлю, родненькие мои. Так что ж вы в душу плюете-то, а?

Он обернулся ко всем присутствующим, выждал паузу, потом откупорил бутылку, неторопливо вылил на дорогу и запустил во двор напротив.

— Дурак ты конченный, Юра, вот что.

— Эй, — крикнула баба Нюра, копавшаяся в цветах. — Юра, ты зачем к нам пришел опять? Чего ты к нам ходишь?

— Если бы не твой отец, Юра, святой человек был, царствие небесное, я бы тебя гнал отсюда, ты бы и на глаза мне не попадался. Спасая ведь тебя, идиота, ради него только, ради его памяти!

— Гони его, Пашенька, чего он пришел, бестолочь-то? — ворчала старушка.

— Ты же у нас ни черта делаешь, Юра. Ты же ничего не умеешь. — наседавал Притиркин. — Сдох бы ты, понял, давно бы уже сдох, когда б не я.

Юра стоял, опустив голову, и думал о водке. Судя по джипу на дороге и одежде хозяина, он намеревался уезжать. Мужики еще, может, дадут, а может, у Сереги что осталось. Или этот, новый, кто это вообще такой? «Выпью. Выпью», — полыхал в голове Юры пламень надежды.

— Иди бетон мешай. Я посмотрю, насколько тебя хватит. Хотя бы час проработаешь? А туда же. За деньгами пришел? За что я тебе даю, за водку твою, за глаза твои красивые, что ли?

Юрий уже плелся во двор, где в огромной бадье месили жижу Трубницкий с Иванищевым. Баяниста Копалева и Семена Жопу, объявившихся следом за Юрой, Притиркин встретил теплее:

— А вы, бездари, чего опаздываете? Работа кипит, где вы шляетесь? Так, — обратился он к Артуру, — сегодня вот эти пятеро. От Юры, сам знаешь, толку! Сегодня цемент привезут, разгрузите. Я двести мешков заказал. Вот завтра приедем мы с Димкой, с сыном, на рыбалочку съездим, лодку проверь. И ты собирайся, конечно! Давно на рыбалке не были, да, Артур Алексеич? Славненько порыбачим! А там и гляди — послезавтра банька приедет: соберете, попаримся.

Георгий вспомнил о бане и содрогнулся: еще вчера та стояла, целехонькая, в коттеджном поселке под Нижним, и вот — гляди ж ты! — приедет сюда.

— Но ты, Артур Алексеич, не кипишуй, — подытожил хозяин. — Звони в эту, как там, свою контору, заказывай нам брусчатку.

— Так я же заказал, вы сначала одобрили, а потом вас цена не устроила, Павел Леонидович...

— Правильно, ты мне найди дешевле! Тысяч на двадцать дешевле.

— Тысяч на двадцать? — глупо переспросил Лысый.

— Тысяч на двадцать. Ты, Артур Алексеич, ищи! Кризис на дворе, санкции, революция в стране скоро. Все, давай-давай, некогда мне здесь с вами.

«На твоём-то дворе точно кризис», — беззлобно подумал Артур.

— Он недавно на Кипре был. Ну, и на «Кипр — Россия» зашел. Это когда я ему аквариумы чистил, — рассказывал Георгий, поедая тушенку, — а он меня все подкалывает, мол, в курсе, кто забил? Откуда я знаю, кто забил, я в его гребаной яме полночи воду вычерпывал, когда этот матч шел. В конце говорит так довольный: все на трибунах — русские. Богатая, говорит, у нас страна.

— А кто забил-то? — вяло поинтересовался Серега.

— Ну, я потом глянул... Дзюба вроде. Черышев еще.

— Дзюба? — хмыкнул Серега. — И это бревно забивает?

— Да, оторвался ты, Серега, от футбола.

— Так, — взял слово Лысый, — мы здесь, конечно, заколебемся, это я сразу скажу. Когда уедете отсюда, не знаю. Серега с мужиками опалубку сделали, три дня, твою мать, на это убили.

— С мужиками, ага, — усмехнулся напарник, и Георгий догадался: помощи здесь ждать не от кого.

— Так странно, — сказал он, словно пытаясь в чем-то разобраться.

— Тебе все странно, — махнул рукой Лысый, — а мы уже привыкли, да, Серега?

— Ну, — кивнул тот.

— Нет, не это. Одноклассники. Они же все одноклассники — и Притиркин, и эти.

— Одношкольники. Здесь же школа одна, — подтвердил Лысый.

— Вот с этим Юрой точно — одноклассники. Общались, может, дружили. А теперь один у другого бутылку отбирает. Один в замке живет, а другой за пятьдесят рублей на все готов.

— Ой, да ну их на хрен обоих, — в сердцах сказал Серега.

— Не понимаешь ты драмы, Серега! Вот и у тебя же были друзья.

Георгий осекся: а что, у Сереги, пробавлявшегося наркотиками и жившего, по сути, в круглосуточном рабстве, наверное, тоже были друзья. Но где они теперь, если он — здесь? Кто они? Серега ведь и выходных никогда не брал, тридцать один день в месяц работал. Кольнется перед сном, а с пяти утра снова ишачит. А если не кольнется — так и не уснет, просто дождется рассвета, думая тяжкие мысли. Георгий вспомнил о своих друзьях. Где они теперь? Социальные лифты стремительно разносили их по разным этажам, и хотя они еще встречались вечерами, выходными в парках, беседовали, болтали, пили, кто знал, может, однажды, как этот Юрий, немолодой уже рабочий Георгий Шульц придет к богатому бывшему другу работать за пятьдесят рублей? А главное, никто ведь не оценит драмы.

— Ты лучше свою драму зацени, — весело сказал Лысый, сгребая грязную посуду.

— Тебе сегодня бетон мешать целый день — раз. Двести мешков разгрузить — два. Скамейки собрать на досуге, садовые. Ну, это не три даже, а так, два с половиной.

— Ничего, — бодро ответил Георгий, — справимся. Мы же команда!

— Иди давай, скажешь!

Черный джип Притиркина еще стоял у ворот. Приспустив боковое стекло, хозяин раздавал последние напутствия матери. Она кивала.

— Не жалея их тут, матушка, — громко крикнул Притиркин, хотя баба Нюра стояла совсем рядом. — Эти дармоеды только и знают, что сидеть-покуривать. А, — он заметил Лысого, — ты, Артур Алексеич, не забывай следить! И отмечать.

— Хорошо, Павел Леонидыч, — отозвался Лысый. — Все будет как надо, не беспокойтесь.

— А твои чего болтаются? — он раздраженно посмотрел на Георгия и Серегу. — Там бетон всю уже месяц. Пусть присоединяются к веселью.

После этих слов джип был просто обязан сорваться с места и исчезнуть в клубах пыли, решил Георгий. Но вопреки законам драматургии, машина отъехала плавно и медленно.

Серега стоял возле колодца и пил холодную воду из кружки.

— Дай мне, — попросил Георгий.

Вода оказалась вкусной и бодрящей, как будто выпил банку энергетика. «Действительно, все, что нам нужно, есть в природе», — подумал Георгий. Но уже совсем скоро, охваченный рутинным трудом, он забудет о природе, а вот другой воды — покрепче, той, что припрятана у Артура Алексеича, — захочется все сильнее. К вечеру желание станет нестерпимым.

Попив, они направились к недостроенному зданию с будущим бассейном на первом этаже.

— Ох, где я видел этот бассейн, — проворчал Серега.

Возле входа в будущий дом Притиркина и его счастливых гостей стояла бетономешалка, в которую уставший Семен Жопа закидывал гравмассу и песок. Неподалеку Трубницкий с Иванищевым, шатаясь, мешали мутную жижу в широкой бадье. В руках у каждого было по длинной палке, и они, уставившись на жижу пустыми глазами, преодолевали сопротивление жижи, придавая ей нужную консистенцию. Майский окунал туда ведро и, зачерпнув жижи, нес Семену Жопе. Когда приходило время, Семен выливал ее в бетономешалку и доставал сигарету.

Серега, заглянув в разверстый ад бетономешалки, присвистнул.

— Ну, чего молчишь? — крикнул он Семену. — Готово же.

— Да едрись оно, — невнятно сказал мужик и махнул рукой.

Серега слил из мешалки жидкость, похожую на ту, что таскал Майский, но гуще и темнее.

— Вот это жидкий бетон, — сказал он Георгию.

— Да знаю я!

— Ну, знаешь — хватай ведра, — бросил Серега и сам потащил ведро в проем для будущей двери притиркинского бассейна.

В затемненном помещении Георгий разглядел опалубку: каркас из металлической арматуры и досок, который и сдержит будущий бетон, придаст ему форму, границы. Но бог ты мой, ужаснулся Георгий, это же сколько нужно ведер натаскать, сколько бетона намешать, чтобы залить все до краев! Тяжелое ведро, которое он вылил, оказалось маленькой жидкой лужицей, едва заметной на дне будущего бассейна.

— Здесь на несколько дней, — хмуро сказал Серега, словно прочитал его мысли.

— Но ты не кипишуй, — раздался знакомый голос, и в проеме Георгий увидел знакомую фигуру: бригадир Лысый ухмылялся, не выпуская из зубов сигарету.

— Да я и не... — растерялся Георгий.

— Для тебя есть важное дело. И ответственное!

— Куда уж ответственнее, — прыснул Серега.

— А вот для Шульца нашего нашлось, — торжественно произнес бригадир. — Пойдем.

Они снова вышли на воздух, и яркий свет ударил в лицо. День только начинался, а солнце уже нестерпимо жарило, по телу стекал пот. Витька Михалыч неспешно толкал перед собой тележку, груженую камнями и землей.

— Вот это гравмасса, — кивнул Лысый. — Только наш Витька Михалыч щас сдохнет на полпути. Кушать, видимо, не хочет. Или жену лечить. Не любишь, а, Витька Михалыч? — крикнул он мужику. — Это правильно, баба с возу...

Георгий хмыкнул, неприятно поразившись изменению, которое случилось с Лысым. В отсутствие Притиркина тот сам стал маленьким хозяином и ходил, отпускал комментарии, сам же не делал ровным счетом ничего.

— А это песок, — продолжил Лысый, показав на маленькую кучку у бетономешалки. Время от времени, возвращаясь из забвения, Семен Жопа брал лопату и швырял в ненасытное жерло мешалки песок.

— А это тачанка, — подвел итог бригадир, — ну, тачка. Все ясно?

Витька Михалыч остановил тачку, с надеждой поглядывая на Георгия.

— Свою-то довези, — прикрикнул на него Артур Лексеич.

— А где? — растерянно спросил Георгий.

— Там, — Лысый показал на ворота. — И направо.

— И так весь день?

— Так всю жизнь, — расхохотался Лысый и похлопал его по плечу.

Георгий взял тележку и покатил к воротам. Вышел на улицу, осмотрелся. Ни гравмассы, ни песка поблизости не было. Только вдалеке, домов через двадцать на глаз, виднелась высокая куча. «Это что ж, туда переться?» — призадумался молодой рабочий и закурил. Все шло к тому, что расслабиться, выполняя монотонную работу, не получится: пока он будет тащить груженую тележку, у мужиков наверняка закончатся запасы. Так что таскать придется в темпе.

Но все-таки эта работа позволяла главное: забыться, укрыться в себе, своих мыслях, не отвлекаясь на пустые разговоры. Заполняя себе тележку доверху, тащи, разгрузай, вези обратно. Может, и лучше, если весь день пройдет так? Главное — чтобы хватило сил.

Их хватало довольно долго, хотя тачка, полная гравмассой, оказалась тяжелой, да и колесо было не в порядке: то и дело заносило влево. Георгий терпеливо разворачивал ее и шел дальше. «Странно. Никогда не встречал прежде слова гравмасса. Какое-то оно издевательское, точно про меня: граф Масса. Граф тащит массу. Граф, тащи свою массу».

Иногда он останавливался возле бады, перевернув очередную тележку: «Граф сбросил массу» — чтобы перекурить. Трубницкий с Иванищевым ближе к обеду совсем усохли, превратились в собственные тени, на них было жалко смотреть, не то что разговаривать. Любой разговор стал бы изощренной пыткой для этих несчастных людей. Майский, таскавший ведра, куда-то слился, и теперь Семен сам делал это, но, завидев Георгия, оживился: мол, притащи то и это. Серега делал отметки на брусках, отпиливал нужные размеры — в общем, работа шла полным ходом. Погруженные каждый в свое дело, мужики даже не разговаривали друг с другом. Да и о чем было говорить по трезвости, по хмурости, когда еще даже обед не наступил. Юра сидел на земле, облокотившись на стену строящегося дома, и смотрел в небо.

— Лексеич сказал, цемент скоро придет, — сказал Серега.

Георгий кивнул. Ему было без разницы: ведь что ни делай, день все равно когда-

нибудь кончится. Он закрыл глаза, перестал видеть и слышать все, что происходило вокруг. Он словно оказался в пустоте, в тишине и наслаждался ею, разминая уставшие руки, спину, затягиваясь вкусной сигаретой. И вдруг почувствовал запах. Это был запах моря.

Когда-то он побывал на море и с тех пор не мог его позабыть. Да и как? Море не забывается. Поехать к нему теперь было роскошью, которую рабочий не мог себе позволить. Но сейчас он всеми легкими вдохнул тот самый, так запомнившийся запах — волн, бьющихся о бетонный причал. Но рядом с ним не было не только волн; не было и быть не могло причала. Зато был бетон — свежий, сырой бетон, отчего-то пахнущий морем.

Вся жизнь вокруг, все дела человеческие были морем, водой. Так думал рабочий, и здесь, в деревне, это ощущалось острее. Хотелось подняться надо всем этим течением жизни, оторваться от него и лететь, бесконечно лететь над волнами красивой и одинокой чайкой. Или застыть вековым деревом, глядящим на них с обрыва. Он затянулся снова и медленно вошел в море, разгоняя холодные волны, затем, наконец, плавно лег на воду и поплыл.

— Дай докурю, — рявкнул кто-то над ухом, и Георгий, открыв глаза, увидел Семена. «Жопа — он и есть Жопа», в сердцах подумал рабочий, но кайф уже был испорчен, он отдал сигарету и взялся за свою горемычную тележку.

— Юр, ты че сидишь? Артур Лексеич отмечает же. Ты свой полгос не получишь, — ругался рядом Серега.

Юра испуганно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— И тебе не нальет никто, — вставил Семен.

— Но-но, не пугай человека, а то копыта откинёт, — ответил Серега. — Но у тебя еще есть шанс, Юрец.

Глаза Юры забегали, и Георгию стало его жаль: ну сидел и сидел человек, никого же не трогал. Все равно, какой из него работник?

— Бери тележку и дуй за песком, понял?

Юра смотрел то на Георгия, то на Серегу и совершенно не понимал, что происходит.

— Ну, бери тележку и вперед! — прикрикнул на него Серега и повернулся к Георгию. — А с тобой потаскаем наверх. На третий этаж доски надо. Там мастер приехал, крышак делает.

Георгий сплюнул и сказал:

— Ну ладно.

С тех пор, как он пришел работать к Притиркину, эти слова он говорил чаще других, по нескольку раз на день. Они стали ответом на все вопросы. А другого ответа от него здесь никто не ждал.

Брусья были по три метра в длину, даже больше — может, по три с половиной. Тащить их наверх — задача не из простых: сначала нужно пройти через узкий вход в дом, развернуться там так, чтобы суметь поднять брус под нужным углом, передать по временной лестнице вверх, на второй этаж. А там суметь принять, да опять опустить, развернуть, поднять, принять на третьем. Серега, сукин сын, успел заготовить не меньше двадцати этих чертовых брусьев.

— А че там с обедом? — вздохнул Георгий.

— Лексеич придет — скажет.

— А он сам-то вообще где?

— У него дел хватает, за него не волнуйся. Он, если надо, полы здесь мыть будет и пыль протирать. Управляющий, емана. Может, пересчитывает что. Может, чинит. Мож, старушку развлекает.

— Старушку развлекает?

— Ну а че, скучно ей тут. Не то что этим, — он покосился на мужиков. — Чего стоим, Юр?

Юра от растерянности выпустил тачку, и та повалилась набок. Но тут же поспешно схватил ее и двинулся к воротам. Серега дал знак Георгию, и молодой рабочий отправился в дом. Посреди темного и пустого зала, соседствовавшего с бассейном, стояла деревянная, наспех кем-то сделанная лестница, уходившая в проем в потолке. Из проема лился тусклый и пыльный свет и слышалось невнятное бормотание. Прислушавшись, Георгий понял: песня. Мастер наверху пел песню в ожидании, пока поднимут брус.

Заняв позицию, Георгий стал принимать брус, который, чертыхаясь, поднимал снизу Серега. Брус казался невероятно длинным, и угол подъема приходилось менять. Георгий развернулся, отойдя к краю помещения на втором этаже, и наконец понял, что

брус принят.

«Вроде и не тяжело, а замудохаешься, — думал Георгий. — Надо отдышаться».

— Ну, ты идешь там? — крикнул он в проем. — Кто на третьем будет принимать? Мастер?

— Не, ты чего, — рассмеялся Серега снизу. — Он такой черновой работой не занимается. Его специально из Пильны выписали. На весь восток губернии работает, еще и чувашей окучивает. Лексеич говорил.

Георгий глянул в проем: Серега прикуривал.

— Мы так не успеем, если курить после каждого проема, — недовольно сказал Георгий.

— Слушай, у меня тут дело появилось, — Серега замялся.

— Какое дело? А это что — не дело? Сам позвал.

— Лексеич зовет. Не знаю пока.

— И что?

— Ну подними их сам, вот что!

— Я сам? Да я весь день их, — начал Георгий и тут же вспомнил недавние слова Сереги: цемент. Цемент привезут ведь, двести мешков. Семьдесят пять кэ-гэ каждый. — Ладно, хрен с тобой. Хрен с вами со всеми.

Георгий просунул брус в проем и поставил к лестнице — точно такой же, как внизу, только без нескольких ступенек. Поднялся на крышу. Там работал, насвистывая, длинноволосый мужчина с угольником и рулеткой, что-то замерял.

— Здравствуйте, — сказал Георгий. Мастер бросил на него беглый взгляд и продолжил насвистывать.

Георгий положил брус и подошел к краю будущей крыши. С высоты третьего этажа открывался вид почти на всю деревню — ведь из строений выше одноэтажного здесь была только церковь. Ее в первую очередь и заметил Георгий. Он выдохнул и громко сказал:

— Красота!

Конечно, в мире много мест красивее, чем вид на эту улицу с дугой, церковкой и магазином, но после муторной работы, мужиков, Притиркина, ночи в гараже, гравмасы, песка и брусьев встать на краю крыши и посмотреть вдаль — бесценно.

— На девчонок пялишься? — неожиданно спросил мужик, и его вопрос показался бы Георгию безумием: какие здесь девчонки? — но в тот же самый момент увидел девушку. Она шла мимо церкви, вполне себе обычная молодая женщина, с каштановыми волосами, в обычном джинсовом костюме.

— Она чего, с вами приехала? — Георгий отказывался верить, что девушка может быть местной, жить здесь.

— Смотри, как бы со мной не уехала, — прищурился мастер, и молодой рабочий хмыкнул:

— Принято.

Он взгляделся, к какому дому подходит девушка. Домишко оказался прямо рядом с магазином — «смотри-ка, в центре живет» — и резво спустился за новым брусом.

Мужики все так же хмуро месили жижу в баде. Ни Сереги, ни Лысого не было, и Георгий решил, что нужно скорее расправиться с брусьями, чтобы, пока нет владельца поместья, сбегать к незнакомке в гости. Правда, что он ей скажет — Георгий совсем не знал и не хотел даже думать об этом. Но работа зашпорилась — он словно порхал с брусьями наперевес вверх-вниз, несмотря на необходимость постоянно маневрировать, прицеливаться, изворачиваться, чтобы неудобный брус наконец оказался на крыше и лег в ряду своих собратьев.

Но скоро запал исчез, а брусьев внизу было все еще больше, чем на крыше. Он присел и закурил, всматриваясь вдаль, но девушки больше не видел. По дорожке от магазина к владениям Притиркина шел, пошатываясь, баянист. Он что-то напевал, но Георгий не расслышал. Потому что запел мастер, прилаживая доску:

*Уеду срочно я
Из этих мест,
Где от черемухи
Весь белый лес...*

Мастер пел громко, очевидно подражая исполнителю и оттого немного смешно. Георгий подумал, что и сам мастер чем-то напоминает исполнителя.

*Где гроздь пенные
И соловьи
И откровенные
Глаза твои,*

— продолжал как ни в чем не бывало мастер, не обращая внимания на Георгия, и молодой рабочий подумал: удивительное дело. Вот человек, с которым однажды его свела жизнь. Что делал в его жизни этот человек? Бросил фразу про девочек, пошутил, спел песню. Еще совсем недавно он бы и сам, Георгий, уехал из этих мест срочно, но теперь... А что теперь? И теперь бы уехал, признавался он сам себе. Несмотря на девушку — ну а что, живет и живет. Кто он ей, зачем? А она ему?

Но вот брусья — от них не уедешь, с ними придется иметь дело. Георгий почувствовал, как он устал. Он закрыл глаза и слушал пение мастера. Хотел снова представить море, но бетоном на крыше не пахло, а без бетона не получалось.

Мастер оказался бодрым — он то и дело скакал по крыше, прыгал, продолжая напевать свою песню, а точнее, один припев, но все так же не разговаривал с Георгием, словно бы не замечал его. «Да ну и шут с тобой», — думал Георгий, поднимая новый брус. Когда он расправился с ними окончательно, то понял, что прошло полдня. Нужно было пообедать — в гараже завалились божья-пакет и пачка сухариков. Авансом ему не платили, а денег, взятых с собой, хватало лишь на такую еду. Правда, вечером могла покормить старушка — но это зависело от ее настроения, а вовсе не от аппетита городской бригады.

— Всего доброго, — сказал Георгий мастеру, и тот кивнул. «Уеду срочно я...» — неслось вслед спускающемуся рабочему.

У ворот царило оживление. Поднимая клубы пыли, под крики и ругань мужиков, разворачивался большой грузовик. Георгий увидел Серегу с Лысым. Они заметили его и яростно зажестичулировали.

— Все, я жрать, — бросил Георгий на ходу, собираясь нырнуть в узкую дверь гаража, но Лысый схватил его за руку.

— Жрать дома будешь. Гляди — цемент приехал.

— Сейчас мы тут все наедемся, — добавил Серега.

— А вы чего делали? Пока я там брусья таскал, — разозлился Георгий. — Не цемент разгружали разве?

— Ну как бы мы его разгрузили — машина только подъехала, — с раздражением сказал Серега.

— Хватит болтать, — прервал Лысый. — Собирай мужиков, кого нет еще?

Георгий обошел машину, пытаясь справиться со злостью — на Серегу, на Лысого, на мужиков этих бестолковых, что не могут справиться с элементарной, пусть и физически сложной, работой. Что приходится ему из города ездить и здесь пахать. Ведь чем они с Серегой занимались в городской больнице? Вкручивали лампочки, закручивали болтики, порядок наводили, чистоту. Ну, мыли окна, как-то красили потолки. Обед — почти всегда по расписанию. И главное — не было этого гадкого чувства, сопровождавшего здесь каждый шаг.

Гадко здесь было всем — и тем, кто жил здесь, и кто приезжал. Кроме Притиркина и его матери. Хотя не заглянешь ведь им в голову. Жена владельца больницы не зря здесь не появлялась — брала на себя все дела в городе, лишь бы не ехать сюда. По крайней мере, Серега так говорил.

«Ну а чего переживать? — Георгий жадно вдыхал воздух с песком. — Работа есть работа. Мало ли что случается. Пожрешь потом, какая, в конце концов, разница?»

Собираясь развернуться, он увидел вдалеке, возле кучи гравмассы, перевернутую тачку. Возле нее сидел, закрыв лицо руками, Юра. Казалось, он был неподвижен. Мужики про Юру забыли. Двести мешков цемента — это, как оказалось, неслабо, даже для шестерых. Майский куда-то пропал, баянист сидел возле кустов с цветами и развлекал старушку, остальным пришлось участвовать — и Трубницкий с Иванищевым проявили неожиданную активность: они запрыгнули, как молодые парни, в кузов грузовика и покрикивали оттуда:

— Ну давай, мужики, подходи!

Из мужиков оставался один Жопа — тот стоял и плевался с досады на свою несообразительность. Устав ждать, пока он соберется, Лысый подошел к кузову первым, поставив могучую спину.

— Давай, мужики, — сказал он и повернулся к Георгию. — Перед собой не вздумай тащить — надорвешься.

Лысый согнулся почти пополам и схватился обеими руками за края большого мешка, который словно прилип к его спине. И резко, большими шагами пошел за ворота.

— Идти лучше быстро, а то не донесешь, — добавил опытный Серега.

Семен пошел за угол грузовика и принялся говорить что-то Трубницкому с Иванищевым, но что-то настолько бестолковое, что те даже не отвечали. Отойдя от грузовика с мешком на плечах, Георгий подумал на миг, что он словно придавлен бетонной сте-

ной, и эту стену ему предстоит тащить в сарай. Сам Георгий весил меньше, чем этот мешок с цементом. Он побежал, то тяжело дыша, то забывая дышать вовсе. И лишь избавившись от груза в темном помещении сарая, громко крикнул. И тут же услышал голос Лысого, сбросившего мешок рядом:

— Молодец! Перерывов тут лучше не делать. Давай, пока прет.

И Георгий почувствовал вдруг: перло! Это было неожиданно и необычно, он бодрым шагом направился к грузовику и понял: пока есть этот запал, пока есть силы, он сможет и один разгрузить всю эту машину. Но на сколько их хватит?

Он уже не представлял себя на море — разгружая мешки с цементом, не получалось думать о чем-то своем. Но и о мешках с цементом думать не получалось. Не получалось думать вообще.

К бабе Нюре они пришли, когда начиналась ночь. Старушка не спала.

— Привыкла, — печально сказала она.

Над соседним домом висел бледный рог месяца и несколько звезд, как случайно рассыпанные кристаллики сахара из чьей-то небесной сахарницы. Но этот небесный сахар так и не достанется никому из земных, брошенных здесь, под этим месяцем. Только одна сахаринка упала однажды — и упала она к бабе Нюре, которой посчастливилось стать матерью Притиркина. И теперь ее дом обит кирпичом, и теперь она может печалиться лишь оттого, что трудно заснуть ночью.

Но в этот вечер у старушки нашелся другой повод огорчиться. Не работал старый магнитофон, зажевало кассету. Серега крутил его в руках, то и дело доставал кассету, смотрел на нее, вставлял снова, хлопая кассетницей, — ничего не помогало. Даже включенный в розетку, магнитофон отказывался крутить — только урчал недовольно.

— Полдня с ним провозился, — в сердцах сказал Серега. — З-з-зараза!

— Дай мне, — отозвался Георгий. Он устал, так ничего и не поев за день. Страшно клонило в сон, и чтобы не отключиться прямо здесь, в прихожей у бабы Нюры, решил покопаться в устройстве.

— Да ты там точно ничего не сделаешь, — сказал Лысый. — Я его тоже утром охаживал.

— Так вот вы чем занимались, пока я там бетон и брусья таскал, — скорее с тоской, чем с раздражением, бросил Георгий.

— Так а как не помочь бабе Нюре? — удивился бригадир. — Баб Нюра, ну как вам не помочь, а?

— Сейчас мне красавчик поможет, — запричитала старушка. — Вон он — молодой, свеженький, отдохнувший.

Георгий не мог понять, издевается она или нет. Вряд ли — на бабу Нюру это было непохоже. Прямая и простая женщина, прожившая в деревне, она привыкла говорить, что думает. Но с другой стороны — какая же она простая? Простая она была до того, как Притиркин стал королем деревни, безоговорочным ее властителем.

— Да он ни хрена не шарит, — посмеялся Лысый.

— Ну почему, у меня же кассетник был, — протянул Георгий.

Он и вправду не знал, что делать с устройством. Даже постучал по нему кулаком для верности: мол, теперь все способы испробованы.

— Ты думаешь, я не стучал? — спросил Серега.

— Вот стучал — теперь-то он и не работает, — ворчала баба Нюра.

Георгий вытащил кассету, покрутил пальцем туда-сюда катушку, понажимал внутри кассетоприемника на все, что поддавалось и хоть как-то двигалось, и вставил кассету обратно.

— Давайте попробуем, — задумчиво сказал он.

— Попробуем, это конечно, — бормотала старушка, включая кассетник в розетку.

— Отчего ж не попробовать? — и нажала кнопку. На весь дом раздалось громкое и отвратительное пение под совсем простую, типа «бум-бум» музыку:

Что за кума, коль под кумом не была?

Раз под кумом не была, значит, не кума!

— Что за кума, коли куму не дала, — подпела баба Нюра и, ничуть не удивившись, сказала: — Работает! Вот так бы сразу! А то...

— Баба Нюра, чинили-чинили, я думал: он сдох вообще! — забеспокоился Лысый.

— Эх, это непонятно еще, кто сдох, — сказала баба Нюра. — А ты молодец, — повернулась она к Георгию. — Услужливый.

— Мне просто хотелось помочь, — вяло возразил Георгий.

— Услужливый, — зачем-то повторила она, — молодец.

Старушка нажала на кнопку, и музыка остановилась.

— Ну чего сидите, голубчики? — сказала она Лысому и Сереге.

– Все, баба Нюра, уходим, – вскочил Серега, вытирая салфеткой рот.
 – Идем уже, баба Нюра, – подхватил бригадир. – Спасибо.
 Они вышли, и Георгий остался один с бабой Нюрой. Втайне он завидовал Сереге и Лексеичу, хотя их и выгнали, и отругали. Его вот хвалят, но на что такая похвальба? Когда хочется закрыть глаза и отрубиться.
 – Тебя как зовут? – обратилась баба Нюра. – Что-то ты раньше не приезжал.
 – Шульц, Георгий Шульц. Я недавно работаю.
 – Шульц? Немец, что ли?
 – Так, далекие корни.
 – Это хорошо. Вы, немцы, нам должны... Но ты хороший парень. Приезжай чаще. Георгий сидел и ждал, пока она закончит. Но баба Нюра внезапно взяла телефон и долго звонила, пытаясь найти сеть и тихо ругаясь. Наконец сеть нашлась.
 – Покормить его, Пашенька? А? Хороший парень такой, да. Услужливый.
 «Сколько раз она еще это скажет?»
 – Приемник починил. Чего? Приемник, говорю, починил. Да нет, говорю: покормить, покормить его надо бы. Или не надо? Не надо? Ну ладно, покормлю. Но ты не против?
 Георгий встал и сказал, слегка улыбувшись:
 – Ну, я пойду, наверное.
 – Подожди, подожди... – захопотала старушка, – покормлю тебя. Хочешь супчик? Пашенька разрешил.

Наевшись, он курил вместе с Серегой и Лысым – те не спали еще, стояли возле входа в гараж и, казалось, просто пялились на месяц. Лысый достал чекушку. Он даже не спрашивал, будешь ли, просто молча протянул. Георгий так же молча выпил.
 – Завтра баня приедет, – сказал Лысый.
 – Сама? – глупо спросил Георгий. От выпитого его тотчас развезло.
 – Ага, на курьих ножках, – вставил Серега, – прискачет.
 – Прискачет-то сама, – Лысый затушил сигарету, – а дальше скакать нам.
 Он засобирався в гараж, но Георгия внезапно осенило: в городской больнице Притиркина не оставалось разнорабочих, вся бригада была здесь.
 – А кто ее грузил-то? – удивленно спросил он.
 – Врачи, – ответил Лысый, – ну и охрана еще. Кто там был, Вася.
 – Как врачи, Артур Алексеевич? – переспросил Шульц. – Врачи – и грузили бревна?
 – Еще и разбирали! Чтобы грузить, разобрать надо, – добавил Серега.
 – Чего, правда, что ли?
 – Леонидыч – он такой. Все на него работают, и неважно как. Кому не нравится – уходят. Зубные техники – те парни молодые, все уволились. А врачи люди семейные. Зарплату он нормальную дает.
 – Лучше про баню подумай, – сказал Серега. – Кажись, нам жопа.
 – Чего, мужики? – раздался голос у ворот, и все засмеялись. Из темноты вышел Семен, его потряхивало.
 – Выпить дадите, а, мужики? – сказал он тихо, просяще.
 – Иди уже, – твердо ответил Лысый и приоткрыл дверь в гараж.

II

Рабочие еще спали, а Притиркин уже вернулся. Он постучал в гараж – сначала разок, потом затарабанил нетерпеливо. Серега приоткрыл дверь. Не пришлось даже зажмуриваться – солнце толком не встало.
 – Ну вот, вы прохлаждаетесь, – тихо, с обидой в голосе сказал Притиркин, – а я сюда целую ночь ехал. Все, чтобы успеть побольше! Дело-то все вместе делаем.
 – Здрасьте, Пал Леонидыч, – ответил Серега.
 – Мордасьте. Давайте завтракайте, и за работу! Бетон сам не зальется. Это только водка сама в рот течет.
 Он подумал, что бы еще сказать, и все-таки нашел:
 – Подводите, ребят, подводите... Подводники хреновы.
 Георгий заметил за спиной Притиркина еще одного мужчину, но никак не мог разглядеть. Тот не шатался – видимо, был не местным. Лысый тем временем подскочил и бодро ставил кастрюльку на электроплиту.
 – Зайдешь ко мне, Артур Алексеевич, – напоследок произнес Притиркин, – отчитаться по вчерашним. Да, и на рыбалку едем, помнишь? Порыбачим, да, Артур Алексеевич!

Он прикрыл дверь.

— День рожденья у него, — сказал бригадир. — Не спится.

— Чего, сегодня, что ли? — напрягся Георгий, тут же подумав, что из без того маленькой дневной зарплаты могут вычесть половину на подарок. Вот будет номер: полдня корячиться на Притиркина, чтобы его поздравить!

— Завтра. Это ему в предвкушении не спится.

— Праздновать-то в городе будет? — встрял Серега, почему-то держась за челюсть.

— Щас! Здесь собирается. Ночью на рыбалку захотел вот, утром отоспится — а к вечеру праздновать.

— Сука, — сказал Серега.

— Эй, — непонимающе уставился на него Лысый, — ну так вообще-то нельзя.

— Да зуб болит, — скривился Серега. — Вчера еще начал, а сегодня вообще. А вы думали, я про Притиркина?

— Ну вообще да, — рассмеялся Георгий. Он поднялся с надувного матраца позже всех, но уже успел заварить чай. Настроение было не самым плохим: уж завтра он точно выспится. Такой оптимистичный вывод родился после слов бригадира о рыбалке.

— А кто там был с ним? — спросил он.

— А это Дмитрий.

— Лжедмитрий, — ухмыльнулся Лысый.

— Первый, второй? — решил блеснуть познаниями Георгий.

— Да хрен его знает какой. Но Ирина Павловна — вроде девушка постоянная. Значит, первый.

— Не то что сестра ее Катя, — кивнул Серега. — Та отвязная, с нами бухала, прикинь.

— Это когда? Сегодня ночью, в твоём сне? — посмеялся Лысый.

— Да говорю, было! — распаялся Серега. — Зуб даю! — и тотчас сник, вспомнив о больном зубе.

— Ирину я помню, — сказал Георгий. В больнице она сидела рядом с кабинетом шефа. Георгий был всегда рад ее видеть, правда, не из-за симпатии к ней. Просто старшая дочь Притиркина давала задания, связанные с поездками, — что-нибудь отдать или забрать. В общем, можно было смело уезжать чуть ли не до конца рабочего дня — шляться по городу и пить пиво.

— Почему так долго? — неизменно спрашивала Ирина.

— Потому что далеко, — неизменно отвечал Георгий.

Получалось, этот молодой мужчина за спиной Притиркина — ее будущий муж. Про которого Георгий тоже слышал. Средней руки городской бизнесмен, он охаживал скорее самого Притиркина, чем дочь. Сама же Ирина деревню не жаловала и никогда сюда не ездила.

Какое Георгию было дело до этих историй? Просто, чтобы было чем занять время, что-то слушать, о чем-то думать, пока остывает чай.

— На рыбалку приехал? — вяло произнес он, решив закончить разговор о зяте Притиркина.

— На рыбалку, — махнул рукой Лысый. — У него здесь своя рыбалка.

«У каждого своя рыбалка, — подумал Георгий. — Вот только интересно, какая здесь у меня?»

Новый день в точности повторял предыдущий. Полдня мешали бетон, правда, запаха моря Георгий уже не чувствовал — просто забыл о нем. Про графа Массу не забывал — эту роль пришлось примерять на себя всем: даже Трубницкий с Иванищевым пару раз смотались к куче у дороги, которая ничуть не уменьшалась. К обеду нагрузился и Притиркин — только коньяком, который отхлебывал из красивой бутылки, пока рабочие совершали свои суетные телодвижения.

— В лагеря засажу, — ругался на них Притиркин, но ругался добродушно, ласково. — Всех засажу в лагеря, к чертовой матери!

Притиркин говорил с отеческой заботой в голосе, но и с ощутимой издевкой. Вернувшись с очередной гравмассой, Георгий заметил, как перед хозяином, усевшимся на низкий пень, расположился, едва ли не на коленях, Серега, отчего-то с раскрытым ртом.

— Дай посмотрю, — говорил Притиркин, — болезный!

Поставив коньяк на землю, он долго всматривался в серегин рот.

— Беспокоит-то сильно?

— Да кабздец, Павел Леонидыч!

— Ну это ничего. Заживет. Ну, чего рот разинул? Мухи залетят.

— Заживет? — неуверенно сказал Серега, в надежде услышать от владельца больницы что-то еще.

— Ну, не само заживет. Подлатаем! Ты чего же не следишь за зубами? — пожурил его Притиркин.

— Так ведь это, — не нашел что сказать Серега.

— За зубами надо следить. Раз в три месяца ходить к своему стоматологу. Понял? — назидательно спросил Притиркин. — И никаких возражений! Возражений я не принимаю!

— Так, а сейчас-то чего?

— Работать, — удивился Притиркин. — Или ты зачем сюда приехал?

— Понял, Павел Леонидыч, — понуро сказал Серега.

— А как в город приедешь, зайдешь к врачу, удалят тебе. Тянуть с этим не надо, понял, нельзя! Только не в рабочее время, ясно?

— Понял, Павел Леонидыч.

Георгий бодрился. Он понимал, как ему хорошо: на наркоте не торчит, семьи, которую надо кормить, не содержит. Даже зуб не болит. Как Серега выносит все эти мучения, да еще и работает — работает за троих, без перерывов вообще, как машина? Георгий не понимал.

— А нормально здесь, — сказал он Сереге. — Не так уж плохо у врача работать. Если что, подлечиться в больнице можно.

Серега посмотрел на него так выразительно, что Георгию стало не по себе.

— Ты debil, что ли? Он тебе за бесплатно и пластырь не приклеит. И еще за то время, что у врача сижу, вычтет. Хоть тридцать рублей, но вычтет! Я же не работал в это время, в кресле сидел!

Серега криво усмехнулся.

— Тебя еще не было, делали буклеты какие-то. Ну, презентация больницы, все дела. Надо же людей счастливых снять, довольных, мол, все хорошо у нас, счастливы, что вылечились здесь. Человек посмотрит — опа сразу, ну да, доверие! Пойду лечиться к Притиркину, раз все там такие довольные. А как пациента во время приема снимешь?

— Как? — отозвался Георгий.

— Да никак! Запрещено это. Добровольцев нет, никто не хочет на буклетики сниматься. И спрашивать-то неудобно, клиенты же все богатые, в городе известные — зачем им это? А нанимать кого-то — так платить же надо. Притиркин этого не любит.

— И чего?

— Ну, наняли нас, е-мое! Был там такой Вася, до тебя работал, у него трех зубов не было. Садится в креслице, врач рядом — серьезный такой, умный, говорит только: рот не открывай. Вася сидит довольный, улыбается — хлопнул двести граммов уже. Меня потом, разнорабочих, охрану. Посадили медсестер, красивых девочек, ну и все, короче! Буклет готов: весь Нижний на меня смотрел, прикинь! Довольный посетитель, емана... Рекомендует, сука.

Георгий нервно рассмеялся.

— А я, когда сидел... Ну, я в первый раз у нашего хирурга, только убирался там и мыл аквариум. Рыбок он любит, хирург наш, от слова хер. И говорю, пока снимают: ну ты посмотри колено, болит уже год, не могу! Хотя бы просто посмотри, скажи, что может быть. Таблетку там какую. А он улыбается так, пока снимают, а потом тихонечко, мне: пошел вон. Прикинь, сука!

Когда приехала машина с длинным прицепом и Георгий впервые увидел бревна, ему захотелось сразу упасть без сил лицом в песок, минуя все, что предстояло до этого. Хмурый Серега, напротив, не выражал никаких эмоций. Лысый стоял на крыльце с Притиркиным и Лжедмитрием, что-то негромко говорил.

— Сначала надо выгрузить, Артур Алексеевич, — давал указания хозяин бани. — За дом с бассейном, да. Потом собрать. Вон мужики вам в помощь, — он кивнул на одинокого баяниста Копаева. Остальные куда-то разбрелись.

— А я что, — отнекивался Копаев. — Я бабе Нюре играю. Настроение ей делаю.

— Сейчас я тебе настроение сделаю! — прикрикнул Притиркин и даже топнул ногой. — А ну живо!

Лжедмитрий рассмеялся.

— Мудмейкер прям, — повернулся он к Притиркину. — Сейчас это тренд на Западе, направление целое. Перспективное, надо сказать.

Павел Леонидович недоуменно уставился на Лжедмитрия. Тот улыбался, ожидая поддержки.

— Мудо... что? — переспросил Притиркин.

— Ну мудмейкер, делатель настроения. Слышали такую фразу: «он сделал мой день»? Например, баянист бабы Нюры сделал сегодня мой день.

Сказав это, он просиял.

— А по-моему, он мудотряс, баянист бабы Ньюры, — Притиркин отпил коньяка и протянул Лжедмитрию, — а ты — мудозвон.

Будущий зять замолчал, смутившись.

Разворачиваться машина не стала — не позволили габариты — так что бревна предстояло сначала развернуть за угол гаража, внести в ворота, протащить мимо двух домов, развернуть и аккуратно сложить за ними.

— Я не пойму Притиркина, — ворчал Георгий, все еще ужасаясь размерам и очевидной тяжести бревен. — Зачем разбирать? Нанимать машину, везти через всю губернию долбаные бревна и собирать здесь! С его деньгами это же раз плюнуть здесь собрать такую баню, новую!

— Он мастерам платить не любит, — сказал Серега. — Считает, что все мужики сделают. Ну, мужики и делают — на пятьдесят рублей.

— Так это же, наверное, и дешевле, — внезапно осенило Георгия. — Реально дешевле купить новую баню! Ведь это ж перевозка, все дела.

— Ну, может человек себе позволить, — пожал плечами Серега. — Чего ты докопался? Или ему тебя теперь спрашивать прежде, чем что-то делать?

Когда над деревней снова взошел месяц и рассыпались звезды, молодой рабочий, умывшись из шланга, подключенного к колодцу, побрел к гаражу. Ноги едва держали, а из всех мыслей в голове оставалась одна: «Спать». Работа на владельца больницы приучила к таким состояниям, и Георгий даже находил в них прелесть — в самом деле, это лучше всяческих тревог, переживаний, лучше хлопот и суеты: просто бреди до кровати после тяжелой работы, с чувством, что сделал все. Но сегодня сил не оставалось даже на это чувство.

Он медленно шагал к воротам и поглядывал на небо, и ему вдруг почудилось, что где-то там, в глубине тьмы, рождается метеорит — черный, матовый, поблескивающий, как уголь, и летит, увеличиваясь в размерах, к Земле, с каждой секундой все ближе. А летит он не куда-нибудь, а в эту маленькую деревню на границе Нижегородской губернии и Чувашской республики. Увидеть его будет сложно — метеорит черный, летит быстро. Месяц и звезды скромно потеснятся, а затем исчезнет, скроется и все остальное. Но главное — исчезнут и этот двор, дом, гараж. Незалитый бассейн, несобранная (не успели!) баня. Ничего этого больше не будет.

Но вдруг апокалиптическая фантазия прервалась. Он вспомнил девушку, которую видел вчера, с крыши. Что будет с ней? Она ведь исчезнет тоже. Он ни разу не видел ее, не знал, как зовут. Но она нравилась ему — просто тем, что была здесь, среди этого всего.

А нужно ли еще что-то?

— Нужно еще что-то? — кричал Серега из раскрытых дверей гаража. Притиркин стоял возле джипа, к которому была прицеплена большая моторная лодка. Лысый крутился тут же, заглядывал в нее.

Шульц тайне надеялся, что Притиркин уже уехал на рыбалку — полпервого ночи! Он юркнул в маленькую боковую дверь и присел на надувной матрац в надежде, что никто не заметит. Но бригадир увидел его и позвал. «Ну что за...» — тихо отозвался Шульц и побрел на улицу.

Притиркин уже сидел в авто.

— Завтра Серега уедет, — сказал Лысый, — надо ему в город. Я полдня спать буду, надеюсь.

Георгию показалось, что голос у бригадира печальный, даже жалостливый. Впрочем, пожалуй, показалось, решил он.

— Будешь один, ну, не считая этих. Днем занимайся бетоном, а там посмотрим. Вечером праздник.

Лысый похлопал Георгия по плечу. «Прощается, как на Северный полюс едет», — подумал он.

— А нас чего, тоже на него зовут?

Бригадир посмотрел на Георгия так, что вопрос отпал сам собой. Нужно было прощаться — скорее уже, спать, спать!

— А вы на рыбалку далеко поедете?

— Да не, Леонидыч не любит далеко, — бригадир почесал лысую голову. — У него тут озеро, облюбованное, свое. Все свое у Палыча, в общем.

— Ладно, я спать, — сказал Георгий.

Притиркин завел мотор и приоткрыл дверь джипа.

— Любезный, — произнес он, — подойди сюда, а, любезный?

Георгий не сразу понял, что зовут его, а когда понял, подошел.

- Не совестно ли спать, когда дела не сделаны? — он цокнул и покачал головой.
- Сделаны, Павел Леонидыч. Баню разобрали, собирать — много рук надо, вы же сами решили: завтра.
- Еще и не стыдно в глаза смотреть, — протянул Притиркин. — Ты ведь сюда не спать приехал, а работать? Зарабатывать? — он усмехнулся.
- Георгий молчал.
- Вон мы с Артуром Алексеичем всю ночь спать не будем. А ты чем лучше? — продолжал Притиркин.
- В кустах на обочине трещали кузнечики или другие, неведомые насекомые. Молодой рабочий прислушался.
- Ладно, — сказал Притиркин, и Георгий на секунду оживился, но тотчас сник. — Перебери-ка ящик с инструментами. У бабы Нюры в прихожей. Димка поможет.
- А что там нужно? — тупо спросил Георгий.
- Ну проверь, все ли работает. И сколько чего есть — не потерялось ли что. Запиши. Баба Нюра все помнит. Рассортируй, разложи аккуратно. Чего даром время терять, как считаешь?
- Ладно.
- Прохладно, — раздраженно ответил Притиркин. — Артур Алексеич, чего даром время терять, а? Садись давай в машину.
- Он хлопнул дверью и уже через приоткрытое стекло бросил Георгию:
- Давай, иди к дому, давай. Я прослежу. Димка уже работает, тебя ждет. Зятек мой будущий, — он хохотнул. — Составь ему компанию.
- Лжедмитрий сидел на стуле и вяло перебирал инструменты в ящичке. Увидев Георгия, сделал вид, что не заметил.
- Баба Нюра ходила по прихожей, словно что-то искала.
- Вот там еще лампочки старые. Надо бы посмотреть, какие работают, какие нет.
- Георгий кашлянул.
- Баб Нюр, меня к вам прислали.
- Та заходи, — сказала старушка, — помогай вон Митеньке, запыхался, чай, заму-чался.
- Георгий присел и стал копаться в ящичке. Достал отвертку, осмотрел ее, заметил маленький скол, отложил в сторону. Следом — кривой угольник. Этот сразу в мусорку. Шуруповерт. Хрен знает, что с ним — аккумулятора нет, надо искать.
- Не знаешь, где аккумулятор? — обратился Георгий к Лжедмитрию. Тот молчал.
- Митенька, а что ж ты на рыбалку не поехал-то? — причитала баба Нюра. — У нас же здесь такая красота! А ночью — диво, загляденье!
- Не люблю я вашу рыбалку, баб Нюр, — откликнулся Лжедмитрий, — я парень городской.
- А что любишь?
- Внучку вашу люблю, баба Нюра!
- Ах какой! — воскликнула старушка. — А копаться в ящичках любишь?
- Нет, — покачал головой Лжедмитрий и рассмеялся, — не очень, признаюсь вам честно.
- Ну, — махнула рукой баба Нюра, — иди тогда, отдыхай с богом!
- Лжедмитрия не пришлось упрашивать — он резво поднялся, бросив рулетку, которую бесцельно вертел в руках, и пошел в дом. Георгий остался один. Он тупо рассматривал содержимое ящичка и боролся со сном. Помимо инструментов, здесь лежали какие-то совсем бесполезные предметы: крючки, бесформенные куски железа, старые ложки, брелоки. Что со всем этим делать?
- Зря я тебя кормила, — разочарованно произнесла баба Нюра. — Сломался приемник-то. Выбросить пришлось.
- Три часа ночи, ты чего не спишь? — сказал Георгий Сереге, когда наконец вернулся. Серега сидел на надувном матрасе, уставившись на дверь.
- Я вообще не сплю, — ответил он. — А ты чего?
- Да перебирал дерьмо всякое, — Георгий лег и накрылся одеялом.
- Понятно.
- Серега шумно дышал.
- Ну завтра нормальный денек! Эти после рыбалки, никто хоть не докопается.
- Надейся, — сказал Серега.
- А чего Алексеич-то? Пить там, небось, будет?
- Да какой! — усмехнулся Серега. — Он обратно же повезет. Ты че, думаешь, они там рыбачат, ну, как мужики?
- А как кто, — удивился Георгий, — как бабы?

— Не, ну не как бабы. Скажешь тоже. Но не как друзья, не знаю, не как если б мы с тобой поехали.

— Ну а как?

— Этот же бухать едет. Бухать и всякие истории рассказывать. Лексеич все их знает наизусть, ему эта рыбалка как кость в горле. И правильно, рыбачит-то он только, острогом бьет. Обрато джип притиркинский кто, думаешь, везет? Артур Лексеич... Так что пить ему нельзя.

— Злой будет завтра?

— Вялый. В дом пойдет — поспит, пока Притиркин не разбудит.

— Ясно, — зевнул Георгий. — А ты куда поедешь?

— В город. Поставиться надо.

— Ну ты даешь!

— Не могу больше.

Сергеа тяжело вздохнул.

— На чем поедешь-то?

— Утром машина придет из города. Притиркин двери заказал.

— Какие двери?

— Обычные. Ну, металлические. Я с машиной в город поеду.

— А обратно как?

— Не знаю. Поймаю чего-нибудь. Там подумаю.

Сон ушел. Георгий присел и закурил сигарету.

— Ты же тут работаешь все эти дни! Только на эту дорогу. Ну и на дозу свою. Понимаешь?

— Еще в больнице поработаю, — так же спокойно ответил Сергеа. — Пока буду в городе. Может, там чего надо.

Сергеа прикурил следом за Шульцем, и сигаретный огонек осветил его лицо. Все оно было покрыто крупными каплями пота. Сергеа дрожал:

— Не могу больше. Поставиться надо. Поставиться!

Пока Притиркин отсыпался — бригадир, по всей видимости, тоже, ведь в гараж он так и не заходил, — Георгий впервые дошел до магазина. Теперь он стоял, рассматривая банки с консервами, сосиски двух видов, пыльные банки с компотом, пиво.

— На пиво даже не засматривайся, — сказала продавщица. Во рту ее дымилась сигарета, а сама она смотрела на молодого рабочего насмешливо.

Георгий хотел что-то возразить, мол, откуда она знает, может, он и не к Притиркину вовсе приехал, но вспомнил, что он в рабочем комбинезоне, и хмыкнул в ответ. «Интересно, сколько барин ей докидывает к зарплате в месяц? Сто рублей, двести, триста? За то, что она следит».

— Привет, Татьяна, — раздался рядом звонкий голос, как будто уколотивший Георгия. Он резко развернулся и увидел ту самую девушку в джинсах. Сегодня на ней была красная вязаная кофточка.

— Привет, — почему-то сказал он, словно общался с ней раньше, а не только наблюдал с крыши.

— Привет, — улыбнулась девушка.

— Тебе как всегда, милочка? — прервала его мысли продавщица.

— Да, пожалуйста.

Продавщица положила перед ней батон, поставила пакетик молока и колбасу в нарезке. Пересчитала деньги.

— А мы что брать будем? — с вызовом спросила Татьяна.

— Доширак, — сказал Георгий и протянул мелочь, взял растворимую лапшу, сказал спасибо и поспешил на выход, где уже открывала дверь девушка.

— Доширак — это вредно, — сказала она, как только вышли на улицу.

— Знаю, — усмехнулся Георгий, — жить вредно.

— Ага. Особенно здесь.

— Тебе не нравится?

Он даже не заметил, как пошел вместе с девушкой, а не к притиркинскому замку.

— Привыкла. Пойдем! — неожиданно сказала девушка, хотя они уже шли. — Я вынесу нормальной еды.

— Ой, да что ты, — заупрямился Георгий, — я так.

— Пойдем-пойдем. Мне все равно кормить некого, так вот тебя хоть пораду.

Она снова улыбнулась, и молодой рабочий ответил тем же. Девушка не была красавицей, но ее доброе лицо, внимательные синие глаза радовали и заставляли забыть о тоске, скуке, тяжести. Ему вдруг захотелось не возвращаться вовсе к Притиркину, а провести весь день с этой девушкой, гулять, говорить с ней.

- А как же тебя зовут? – спросил он.
- Какой невнимательный, оказывается, – девушка изобразила легкую обиду.
- Ты говорила?
- Татьяна говорила.
- Молодой рабочий стал вспоминать, и вдруг его осенило:
- Милочка, она говорила – Милочка? Так это зовут тебя так – Мила? Я думал, она называет тебя милочкой. Ну, все продавщицы так делают.
- Не знаю, как все, – Мила рассмеялась. – Она у нас одна здесь. А если что случится, так я ее подменяю. Когда сама не на работе.
- Вот жаль, сейчас не подменяешь. Пива так охота! Ты бы мне продала?
- Я? – она задумалась. – Я и сама бы сейчас выпила. Немножечко. А у меня есть, дома. Сейчас вынесу.
- Отлично! – приободрился Георгий. – Это просто отлично.
- Она посмотрела в его глаза и посерьезнела.
- Только я не пью вообще, ты не думай, – сказала она. – Ну разве раз в месяц, если очень устану. Для того и держу.
- Я не думаю, честно. А кем ты работаешь здесь?
- Учительница я. Литературу в нашей школе преподаю.
- А есть кому? – удивился Георгий.
- У нас из нескольких деревень. Я пятые-седьмые классы веду. Старших нет, или уже не ходят.
- И какой твой любимый писатель? – зачем-то спросил Георгий.
- Лермонтов, – сказала, почти выдохнула она.
- Почему?
- И скучно, и грустно, – она пожала плечами. – И некому руку подать.

Они шли по дороге, казавшейся бесконечной, впереди был только горизонт, справа и слева – поля. Картину портил только развалившийся, сгнивший старый ангар. Притиркинская деревня осталась позади. Они гуляли с Милой уже пару часов. Обещанным пивом оказалась маленькая бутылочка. От нее он немного захмелел, но быстро стало клонить в сон. Девушка рассказывала о себе, о школе, и в какой-то момент Георгий понял, что перестал ее слушать. Точнее, слушал, но не вникал. Ему было хорошо идти так с ней, а о чем там шла речь, было ли это важно?

- А ты бываешь у Притиркина? – спросил он, когда девушка замолчала.
- Не общаюсь с ними, – покачала она головой. – Я ведь ему ничего не должна. Наверное, я здесь одна такая.
- А с этими со всеми? Иванищев, Трубницкий?
- Ты даже фамилии знаешь, – усмехнулась девушка.
- Общие знакомые, – рассмеялся молодой рабочий.
- Им кроме бутылки ничего не надо. Майский только боевой, есть у него еще ягоды... Подкатывал, но он ко всем подкатывал. И у него жена, прессует. Я сразу ей рассказала. А с Юрой вообще такая история... Видел Юру?

Георгий кивнул.

– Юра – это наше все, как Пушкин. Заметила как-то: все ходит за мной, ходит. Как тень, а сказать боится. У дома караулил, я в магазин – сидит, ждет. В итоге говорю: чего тебе? Запал на меня, думаю, все, капец, не отмажешься ведь, – она просмеялась, – а он такой, набрался сил и говорит: ты такая хорошая, добрая. Ну, думаю, все, приехали. И тут он выдает: знаю, ты мне нальешь, не откажешь! Я расхохоталась так, во, думаю, герой-любовник! Иди домой, говорю.

- А другие-то есть?
- Что другие?
- Ну, другие герои-любовники? Как у тебя с этим, с личным?
- С чем? – она расхохоталась. – Все осталось в городе, тут-то что. Как после института я поехала, так все и кончилось с личным.
- И что, думаешь тут остаться?
- Да я уже тут осталась.
- Мне нравится твой смех, – зачем-то сказал Георгий, – только сейчас он грустный.

Он подумал: поцеловать бы ее, эту девушку. Да и вообще, на природе здесь так классно! И они одни, и эти два бескрайних поля. И два бездонных океана глаз, вспомнил он дурацкую песню из детства. «Океана глаз», – заиграло в голове, в памяти.

Но он только посмотрел на нее. И не стал ничего делать.

- Вернемся? – спросил он.
- Тебя если увидят со мной – все расскажут, – сказала девушка. – Все, что здесь

есть, — это глаза и уши Притиркина.

— Даже деревья и птицы? — пошутил молодой рабочий.

— Ага, даже они, — всерьез ответила девушка.

— Мне все равно.

— И зачем ты со мной пошел? — словно протрезвев, спросила девушка. — Что я тебе?

Она остановилась, закусив губу.

— Не знаю, — честно сказал Георгий. Разговоры с ней — ни о чем, и никакого развития быть не может. Он уедет, она останется. — У меня немного свободного времени. Утром двери разгрузили, напарник уехал за дозой. Хозяева спят, а я вот поесть решил. С тобой лучше. Это мой самый хороший день здесь.

Она улыбнулась, и Георгий понял: девушка тоже не знает, что говорить.

— Мы еще увидимся?

— Конечно, завтра и увидимся, — просто ответила Мила. — После трех подходи.

— Такое бывает раз в сто миллионов лет, — приговаривал Лысый, насаживая на вилку пельмень. — Притиркину вообще до нас нет дела.

— Чего так? — Георгий отхлебнул чаю.

— В запое человек. Гости приехали, видел?

— Гостей не видел, машины у дома видел.

— Да, машины серьезные. Мне, сука, такие и не снятся.

Бригадир помолчал, задумавшись.

— Ну а как съездили-то? — спросил Георгий.

— Да не спрашивай!

На дворе уже был поздний вечер. Молодой рабочий успел и поесть доширак, и отоспаться, и просто посидеть в гараже, покурить, подумать. Сначала проснулся бригадир — он ходил с деловым видом, осмотрел бассейн, залитую опалубку. Мужики разбежались кто куда, зная, что Притиркину сегодня не до них, только баянист Копаев поливал и обрезал цветочки возле окон бабы Нюры. Поняв, что других дел не придумается, Лысый разбудил Георгия и выгнал его подметать двор. Тот был и рад — скучнее занятия, конечно, не найдешь, но и спокойнее тоже. К тому же после всех погрузок и разгрузок прошлых дней тело болело и ныло.

Проснувшись, Притиркин вышел во двор и с хмурым видом попивал коньяк, то ли наблюдая за работой Георгия, то ли вовсе не замечая его. После нескольких глотков его лицо приобрело довольный вид, и он тихонько напел:

*Я приехал, я приехал в Петербург,
А уехал, а уехал в Ленинград.*

Георгий хотел было крикнуть: «С днем рождения!» Но не крикнул — подумал, а что сказать дальше? Чего желать?

— Артур Алексеич, а, Артур Алексеич! — наконец, он заметил Георгия. — Позовика нашего Артура Алексеича, где он прохлаждается?

Георгий вернулся в гараж, позвал Лысого. Через минуту тот появился перед Притиркиным, вытянувшись, словно солдат, по стойке смирно.

— Вызывали, Павел Леонидыч?

— Вызывал, — произнес тот спокойно, словно что-то вспоминая, и вдруг поднял взгляд на Лысого. Громко расхохотался.

— Проверка связи, Артур Алексеич. Иди уже! С глаз долой. Гуляй сегодня. Сегодня все гуляют!

После этих слов Георгий подумал, что Притиркин выкатит стол мужикам, нальет дешевой водки — это было бы вполне по-барски, но пока все выглядело так, словно мужикам вообще запретили в этот день высовываться из своих домов. А гуляют только Лжедмитрий да странная женщина, выглядевшая так, словно была одной из местных — одета скромно, не ухожена, в сильном подпитии, хотя празднество только начиналось. Притиркин приветствовал ее сухо, а баба Нюра — наоборот, тепло, с радостью. Вынесли во двор магнитофон, накрыли стол. Над маленькой аллеюшкой включились фонари.

Потом приехал еще один гость — солидный и пузатый господин, словно сошедший с карикатур на банкиров. Он долго поздравлял Притиркина, что-то говорил ему, хлопал по плечу и вообще много суетился. Кивая, хозяин заметил Георгия — тот по-прежнему мел, хотя было чисто. Но надо же что-то делать.

— А ну давай, — Притиркин замахал рукой, — давай, брысь отсюда.

— У меня работы нет, Павел Леонидыч.

— Давай, иди, говорю! Алексеич тебе найдет.

И вот они с Алексеичем сидели в гараже и жевали пельмени.

— Давай-ка, — вдруг сказал Лысый и протянул чекушку водки. «И откуда он только берет их?» — За здоровье Притиркина, — пояснил бригадир.

— За что же еще? — хмыкнул молодой рабочий и приложился к бутылке.

— Одиночество — спутник богатства, — неожиданно сказал Лысый. — Притиркин никому не доверяет, ни с кем не водит дружбы.

Георгий вдруг заметил, что Лысый серьезно пьян. «Не растерялся, — подумал он. — Теперь будет всю ночь толкать мне телеги».

— Да одиночество вообще, — сказал Георгий, закусив пельменем. — Спутник всего.

— Ну ты скажешь тоже, — махнул рукой бригадир. И Георгий понял, что хочет на воздух, на улицу, в ночь. Что ему делать здесь, слушать банальные истины? Того хуже — произносить их? Может, зайти к Миле? Да только поздно уже. И что он ей скажет? Договорились ведь на завтра, вот завтра и зайдет.

Играла громко музыка:

Что за кума, коли куму не дала?

Кричала пьяная женщина что-то вроде: «Опа», «Хорошо». И подпевала повеселевшая баба Нюра.

«Богатый человек, — думал Георгий. — Почти что самый крутой в городе. Все может себе позволить, все! А что позволяет в итоге? Пьяные пляски, кума не дала куму!»

Он подумал, а что бы сам себе позволил, окажись вдруг так же богат? Что бы сделал здесь, в этой деревне? Дал бы нормальную работу всем этим людям, может, помогал бы им? Отстроил бы себе дворец здесь, или, может, лучше в городе? Ведь для чего все это — посреди развалин, посреди умирания утверждать свою жизнь, свою победу над жизнью? А интересно ли жить здесь? Что здесь делать — слушать куму и кума? Ездить на пьяную рыбалку по ночам?

Он, конечно, не знал, что сделал бы. Да и какой был смысл гадать? Чтобы стать таким же богатым, нужно быть просто другим, нужно иначе думать, прожить другую жизнь. А значит, и вопрос этот пустой: что сделал бы здесь Георгий? Ничего бы он здесь не сделал.

— Я когда награду получал, от патриарха, — донеслось до него. Стремительно пьяневший Притиркин навалился на пузатого гостя, — он мне так и сказал: спасибо тебе, Павел Леонидыч, за возрождение России. А ты говоришь!

Послышался какой-то шум.

— Да, Пашенька, перестань! Все знают, что ты эту церкву отстроил здесь, — ныла пьяная женщина.

— В руинах стояла, — охала баба Нюра, — в руинах, как вся наша страна!

— А вы говорите, — кричал Притиркин. — Вы все говорите!

Снова послышался шум, но уже натуральный грохот, словно кто-то упал или уронил тяжелый предмет.

— Заткнись, сука! Ты свою жизнь просрала, а я здесь дела делаю! — орал Притиркин. — Каждому свое!

Из двери гаража появился Лысый. Встал рядом, прикурил.

— Напились уже? — спросил он.

— Похоже, — кивнул Георгий.

Из ворот выбежала пьяная женщина, обогнула дом. Она была вся в слезах.

— Сестра, — затыкнулся бригадир. — Сестра нашего Притиркина. Вся жизнь в тени брата, не удалась. Пьет много. Думала, брат умный, поможет, вытащит.

— И что, не помогает?

Лысый покачал головой.

— Ну, сто рублей даст. Бестолковая ты, говорит, помирай, если хочешь. В больницу просилась — вылечи от алкоголизма. Не записал: неси, говорит, деньги. А она: откуда у меня? Все пропала давно.

Георгий замолчал, слушая, как рыдает за домом женщина. Он не знал, что сказать, только глупое, и без того понятное:

— Страшно это, женский алкоголизм.

— За спасение! — ревел голос Притиркина во дворе, будто раскаты грома. — За спасение!

Утром деревню заволокло туманом, моросил мелкий дождь, и молодой рабочий Георгий стоял на дороге, глядел на дом и ворота и думал о Миле. Времени десять утра — в свои первые дни здесь Георгий так не расслаблялся. «Только бы пил подольше, — мысленно желал он Притиркину. — Работы меньше, денежки идут». Он по-прежнему не понимал, куда пропали мужики — даже Юра, который околачивался здесь днями на-

пролет в тщетной надежде, что нальют, подкинут денег, — даже он исчез.

— Кончай курить, — крикнул ему Лысый. — Щас в яму отпавишься.

— Звучит угрожающе.

— Давай, иди, — бригадир стал раздражаться, давая понять: не до шуток. Георгий растоптал сигарету и отправился во двор. Возле колодца, на деревянной садовой лавке сидел Притиркин.

Он был одет в строгий черный костюм — новый, чистый, — но сам выглядел злым и помятым. Было видно, каким мучением отдается в нем каждое сказанное и услышанное слово.

— В яме бывал? — коротко спросил он, пытаясь сфокусировать взгляд на рабочем. Георгий отрицательно кивнул.

— Мусор куда здесь возят? Или думаешь, за ним на вертолетах прилетают? Голубых. Волшебники.

Георгий молчал.

— Собери здесь все и выкинь, — только сейчас молодой рабочий заметил, как много вокруг мусора: на столе, который еще ночью был праздничным, на асфальте вокруг. Остатки еды, бутылки, битая посуда. Шульц надел рабочие перчатки и начал сгребать все в тележку.

— Помнишь, где брал гравмассу? — простонал Притиркин. «Интересно, почему он не выпьет?»

— Помню.

— Вот и славненько! Идешь дальше, потом повернешь направо.

Притиркин не произнес больше ни слова, хотя Георгий крутился еще долго и даже понял, что одной тележки не хватит. Он тоже молчал, желая быстрее уйти. Ямы он еще не видел, вот и посмотрит — будет новое впечатление дня.

— Погоди, — сказал Притиркин, когда Георгий уже разворачивал тележку. Он встал, подошел к колодцу и взял большую кастрюлю. — С тележкой.

Георгий вернулся. Хозяин открыл кастрюлю, перевернул ее над тележкой. Брызнула мутная вода, заливая остатки вчерашней роскоши, и следом вывалилось несколько крупных раков. Георгий на мгновение опешил.

— В яму?

— Ну, я же тебе сказал. Ты что, глупенький?

Молодой рабочий развернулся и покатил тележку к воротам. Вышел на дорогу, поплелся к куче гравмассы. Прикурил. «Хоть бы эта яма далеко была». Взглянул на раков.

«Наверное, раков захотел с пивом, а никто не поддержал». От нечего делать Шульц стал строить догадки насчет того, почему Притиркин решил выкинуть таких здоровых, хороших раков. «А может, пить не может больше. Может, все уже уснули. Но раков ночью, после коньяка? Зачем он вообще варил их?»

Ему показалось, что раки зашевелились. Остановился, пригляделся: точно. Так оно и было. Большие усы раков медленно шевелились; слегка поворачивались, подрагивали головы. Впрочем, двое быстро успокоились, затихли, но один, самый крупный рак пытался шевелить клешнями. Георгий видел, как ему тяжело. Потом рак скатился вниз по груде мусора, которая наполняла тележку, но усы продолжали шевелиться — медленно, плавно.

«Он что, недоварил раков? — с неприязнью подумал Георгий. — Наверное, начал варить и подумал: ну, на хрен! Не буду есть раков. Или не будем, как у них там... Не изволим».

Теперь недоваренный рак помирал в тележке с мусором, его красивое красное тельце еще совершало, словно по инерции, последние колебания. В ожидании ямы, которая станет конечной точкой. Георгия затошнило. Не хотелось больше думать о раке, смотреть на него. Хотелось скорее дойти до ямы, и он ускорил шаг. Но скомканые, сумбурные мысли не лезли из головы: недоварил, перехотел, яма, усы.

За поворотом дорога превращалась в совсем узкую тропинку, ведущую к кладбищу, вспомнил Георгий. Мужики любили говорить о кладбище. А особенно Юра — одна мне, говорил, надежда: скорее перебраться туда.

Вдруг деревья кончились, и он увидел яму. Хотя по размеру это была далеко не яма — как минимум озеро. Только озеро, наполненное не водой, а мусором. Над ним летали мухи и стояла нестерпимая вонь.

«А чем эта яма не кладбище? Сначала умирают вещи, а потом и люди».

Он подкатил к вонючему озеру тележку и закрыл глаза. Замер неподвижно. Но потом все-таки не выдержал, посмотрел на рака. Рак все еще возил своими длинными усами по остаткам пищи и битому стеклу: может быть, что-то искал.

— Прости меня, рак, — сказал Георгий и поднял ручки тележки. Все пришло в движение, но ненадолго.

Возвращался он не спеша — отойдя подальше от ямы, стоял на дороге, курил, думал. Дорогу заволокло туманом. Еле нашел ворота, шел медленно, как в пустоте. Возле колодца была все та же картина: грязь, мусор. Только вместо Притиркина у колодца сидел Лысый.

— Уезжать тебе надо, — сказал он.

— Где Притиркин? — спросил Георгий.

— Поехал в город, — хмуро ответил бригадир. — Дима за рулем. А этот, как его там, пузатый, уехал сам. Одна сестра осталась, отсыпается, сказал, чтоб как проснется — ехала домой.

— А че так срочно? Да и разве не найдется работы?

Георгий присел. Туман окутал и двор: кроме колодца и Лысого, все словно исчезло, растворилось в молоке.

— Тут дело другое, — ответил Лысый и замолчал.

— Какое?

— Двери, помнишь? Вы с Серегой разгружали.

Молодой рабочий кивнул. Разгрузку тяжелых и неудобных дверей он, конечно, запомнил. Они оставляли их здесь, прислонив к стене дома, как раз напротив колодца. Но сейчас дверей здесь не было. И не туман тому виной — Георгий сидел ровно в том месте, где должны были быть двери. Но их не было. Он вопросительно взглянул на бригадира.

— Так сперли, — подтвердил тот догадку.

— Но как? — усмехнулся Георгий.

— Каком кверху! Притиркин никогда ворот не закрывает на ночь, заходи кто хочет.

Но никто не заходит. А знаешь почему?

— Камеры?

— Камеры, — усмехнулся бригадир. — Нет, камеры потом, когда достроят все, облагородят.

— Я не пойму, — начал Георгий. — А кто? Вся эта алкашня? Зачем их наказывать-то? Куда они их здесь поставят, металлические двери? В свои развалюхи?

— Да продадут. Вывезут по-быстрому и продадут. Уже, наверное, вывезли. Никто вообще не помнит — были они здесь вчера?

— Кто, мужики?

— Двери! Да уж, наверное, ночью. Днем как? Ты же здесь был, видел бы.

— Да уж, — сплюнул Георгий. Он ничего не сказал про вчерашнюю встречу с девушкой, зачем это знать бригадиру? Да и разве его просили следить за дверями? — То все они попрятались. Вернется — всем задаст, наверное.

— Нет. Он поэтому и уехал.

Георгий удивился.

— В смысле?

— И ты поэтому уедешь.

— Я? Но я ничего не понимаю.

— А что тут понимать? — бригадир поднялся. — Притиркин, он ведь еще в девяностых живет. Вопросы привык решать просто. И действительно.

— Это как?

— Ну как. Я, говорит, со всей душой, кормлю вас здесь, а вы! Раз так, говорит, поучайте.

— Когда он так говорил? Сегодня?

— Ага, перед самым отъездом. Ладно, давай собирайся.

Георгий подскочил. Нет, он не хотел уезжать просто так. Он хотел выяснить, что происходит.

— Однажды у Притиркина уже крали. Арматуру, пару лет назад.

— Кто украл?

— Да здесь любой может. А он что? Он и выяснять не стал. К вечеру к магазину приехал автобус. С ребятами. Ребята вышли и прошлись по всем домам. С битами, с кастетами, с арматурой той же. С тех пор баба Нюра даже двери на ночь не запирает. Никто не войдет.

— Вошли же, — пробормотал Георгий. Ему стало не по себе от услышанного.

— Кто-то, видать, не понял. Или не знал. Может, в этот раз все жестче будет, все же рецидив.

— А потом чего?

— Будут работать, жить. Как раньше. А куда они отсюда денутся? Очухаются, придут на двор, мол, Леонидыч, есть работа? У него найдется. Что-то, а работа у него всегда есть.

— Но сегодня-то нет, — заметил Георгий.

Бригадир посмотрел хмуро.

— Для тебя вообще больше нет. Уволил он тебя, сейчас машина приедет, с брусчаткой, разгрузим, там немного. Потом на ней же и поедешь. А в больницу можешь не приходить. Да и чего тебе здесь делать, только с бабами встречаешься. Думаешь, он бухает, а он все видит! Здесь даже у деревьев уши.

Георгий усмехнулся, услышав от Лысого то же, что сам говорил вчера.

— И у птиц? — спросил он.

— Что? — не понял Лысый.

— И у птиц уши?

— У птиц и так уши, — ответил бригадир. — И вообще, какие птицы?

— Да это я так, — Георгий взялся за тележку. — А Серега чего? Сегодня же должен приехать.

— Завтра приедет. Чтоб ненароком под раздачу не попасть. А я — в дом. Там бабе Нюре нужно полоч приделать.

Георгий задумался.

— Артур Алексеич, а как вы вообще на него работать начали?

— Соседи мы. Вернее, конечно, были. С детства Притиркина знаю. Потом я в армию пошел, вернулся, думал, чем заняться. А Леонидыч раскрутился, больница эта, все дела. Ты, парень, говорит, смысленый, иди, будешь мне помогать. Ну вот, помогаю. Да и вообще, — он снова закурил, как будто занервничал, словно тяжело и тревожно стало ему думать, вспоминать. — Да и вообще, там я Родине служил, а потом? Кому-то служить надо, кому-то быть преданным, верным.

Он затыкнулся и закашлялся.

— Ладно! Иди уже. Иди давай!

Георгий двинул тележку и покатил к воротам. И вдруг, резко вспомнив, развернулся и почти крикнул:

— А Мила-то как? Мила?

— Кто это?

— Девушка, женщина. Она живет здесь, возле магазина.

— Ты что, идиот? — Лысый продолжал кашлять. — Никто женщин трогать не будет. Да и что, она смогла бы двери утащить?

— Ну да. Не могла, конечно.

Он понял, что, видимо, никогда больше не увидит эту девушку — машина с брусчаткой наверняка уже поворачивает на Юморгу, а еще этот мусор, нужно же успеть привести двор в порядок! Водитель разве станет ждать? Но это слово никогда, которое порой бывает таким тяжким и пугающим, никак не отозвалось в его сердце, ничего в нем не пробудило. Никогда — значит никогда, что уж тут скажешь.

Георгий вышел за ворота и услышал тоскливый звук, словно кто-то поскреб одной ржавой трубой о другую. Он раздражал, казался отвратительным. Молодой рабочий обернулся и понял, откуда звук. Среди цветов на маленьком раскладном стуле сидел баянист Копаев. Он не играл и даже не изображал игру, а просто растягивал меха, нажимал на кнопки, елозил на стульчике, будто бы двигаясь телом в такт. Георгий никогда прежде не слышал ничего более унылого. Баба Нюра, раскачиваясь, ходила кругами между кустов и пела:

Вьюн над водой, вьюн над водо-о-о-ой,

Вьюн над водой расстиляется.

Жених у ворот, жених у воро-о-о-от,

Жених у ворот дожидается.

Баянист подпевал противным похмельным голосом:

Дожида. А-а. Етсья.

Потом баян смолк, и баба Нюра стояла, не зная, что делать дальше — спеть ли еще, пойти ли домой. После большой русской радости наступила русская тоска. Такая же большая, а может, еще больше. Туман усиливался, и не было видно дороги — ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад. Худые деревенские домишки скрылись, спрятались, словно и не было их никогда, а был только дом Притиркина с его распахнутыми воротами, цветами, с этим стонущим звуком баяна и тихой песней. Георгий стоял, вцепившись в ручки тележки, груженной мусором, и всматривался в молочно-белую, влажную стену тумана: не едет ли там машина с брусчаткой? Вроде пока нет.

Он толкнул тележку, и в тот же миг снова занял баян.